

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

*стратегии
для меняющегося мира*

МАРГАРЕТ
ТЭТЧЕР

альпина
ПАБЛИШЕР

Маргарет Тэтчер

**Искусство управления
государством: Стратегии
для меняющегося мира**

«Альпина Диджитал»

2002

Тэтчер М.

Искусство управления государством: Стратегии для
меняющегося мира / М. Тэтчер — «Альпина Диджитал»,
2002

Главная идея автора – как правильно управлять государством и не совершать ошибок, ведущих к кровопролитию.

Содержание

Иллюстрации	8
Карты	9
Таблицы	10
Выражение благодарности	11
Введение	12
Глава 1	18
Картины на выставке	18
Встреча в Праге	19
Запад победил	24
Глава 2	30
Моя Америка	30
Полюс только один	34
Военная готовность: материальный аспект	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Маргарет Тэтчер

Искусство управления государством: Стратегии для меняющегося мира

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

Стратегии
для меняющегося мира

Перевод с английского

7-е издание

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2017

Перевод с английского *В. Ионова*

Редактор *Е. Харитонова*
Корректор *Е. Харитонова*
Компьютерная верстка *А. Бохенек, М. Поташкин*
Дизайн обложки *DesignDepot*
Фото *Selebrity Pictures / East News*

© Margaret Thatcher, 2002
© ООО «Альпина Паблишер», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

*Эта книга посвящается Рональду Рейгану, которому мир обязан
очень многим*

Иллюстрации

С Рональдом Рейганом на фоне фрагмента Берлинской стены у библиотеки Рейгана. Калифорния, февраль 1991 г. *The Ronald Reagan Presidential Library Foundation*

Разговор за чашкой кофе с Рональдом Рейганом в его офисе в Лос-Анджелесе. Февраль 1995 г. *The Ronald Reagan Presidential Library Foundation*

Церемония награждения президентской медалью Свободы в Белом доме. Награду вручает Джордж Буш-старший. Март 1991 г. *Официальная фотография Белого дома*

Встреча с Михаилом Горбачевым в Пражском замке в ноябре 1999 г. на праздновании 10-й годовщины чешской «бархатной революции». *Фотография © Карела Кудлина*

На фоне бомбардировщика В2 в ангаре авиационного завода 42. Палмдейл, штат Калифорния, март 1991 г. *Из личной коллекции*

Встреча со студентами в качестве почетного ректора колледжа Уильяма и Мэри. Штат Виргиния, февраль 2001 г. *Публикуется с любезного разрешения Университета Уильяма и Мэри*

С Вацлавом Клаусом на открытии памятника Уинстону Черчиллю на площади Венцеслас в Праге в ноябре 1999 г. *Фотография © Томаша Жубанека*

Церемония присвоения степени почетного доктора в Университете Бригем Янг. Штат Юта, март 1996 г. *Из личной коллекции*

Прогулка с Борисом Немцовым по центру Нижнего Новгорода в июле 1993 г. *Офис Бориса Немцова*

Встреча с Ли Куан Ю в офисе главного министра в Сингапуре. Сентябрь 1993 г. *Офис главного министра, Сингапур*

Спуск на воду контейнеровоза *Ever Result* на судовой верфи Мицубиси в Кобе. Октябрь 1994 г. *Из личной коллекции*

С Цзян Цземинем в Пекине. Сентябрь 1991 г. *Из личной коллекции*

Встреча с Ли Пенем во время визита в Пекин в сентябре 1991 г. *Из личной коллекции*

Встреча с Ли Тэн Хуэем во время визита в Тайбей в сентябре 1992 г. *Публикуется с любезного разрешения Министерства иностранных дел Тайваня*

Граффити вдоль дороги в столице Кувейта после освобождения от иракских оккупантов. Ноябрь 1991 г. *Из личной коллекции*

Переговоры с Ицхаком Рабином во время визита в Израиль в ноябре 1992 г. *Из личной коллекции*

Посещение больницы в Вуковаре, откуда в 1991 г. сербские полувоенные формирования угнали несколько сотен хорватов, которых затем убили. Сентябрь 1998 г. *Из личной коллекции*

Дань уважения памяти павших в военных действиях на Фолклендских островах в Сан-Карлос-Уотер. Июнь 1992 г. *PA Photos*

Встреча с генералом Пиночетом и его женой Лусией в поместье Уэнтуорт, графство Суррей. Март 1999 г. *Popperfoto*

Разговор с Сильвио Берлускони в Лондоне в феврале 2001 г. *Публикуется с любезного разрешения офиса премьер-министра Сильвио Берлускони*

Карты

1. Радиус действия баллистических ракет Ливии и Ирака
2. Россия и государства бывшего СССР
3. Кавказ и Центральная Азия
4. Япония, Северная и Южная Корея
5. Юго-Восточная Азия
6. Китай
7. Индийский субконтинент
8. Мировые религии
9. Ближний Восток
10. Запасы нефти и природного газа Ближневосточного региона
11. Балканы
12. Босния
13. Члены Европейского союза, государства – кандидаты на вступление в ЕС и государства, не являющиеся его членами

Таблицы

1. Оборонные расходы НАТО
2. Свободные страны
3. Государственные расходы и безработица в 1999 году
4. Стоимость трудовых ресурсов
5. Иностранные инвестиции
6. Торговые блоки
7. Свобода и процветание
8. Уровни фертильности

Выражение благодарности

В работе над этой книгой мне помогали многие, и я с радостью приношу им мою благодарность. Прежде всего я хочу поблагодарить Робина Харриса, природная интуиция и интеллект которого поддерживают меня уже не один год. Это наш третий совместный труд, и вновь его помощь и совет оказались поистине неоценимыми. Не будь поддержки Робина, я бы, наверное, так и не приступила к работе, и уж точно не смогла бы ее завершить.

Нил Гардинер был неутомимым и неунывающим собирателем материалов. Благодаря его умению отыскивать нужную информацию во Всемирной паутине ни один вопрос не остался без ответа, ни один источник не был пропущен.

Марк Уортингтон, директор моего офиса, организовал реализацию проекта, и ему не смогли помешать никакие превратности политики. То, что нам удалось уложиться в сроки, — его заслуга.

Мне помогали также другие известные специалисты в различных областях. Мартин Хоу и Патрик Минфорд не пожалели своего времени на прочтение ряда глав и сделали бесценные замечания. Я чрезвычайно благодарна им за это. Хочу, кроме того, выразить признательность Марку Олмонду, Кристоферу Букеру, сэру Джону Бойду, Синтии Кроуфорд, Джону Джерсону, Алистеру Хиту, Брайану Хайндли, Эндрю Робертсу, Джулиану Сеймуру, Рональду Стюарту-Брауну и Дейвиду Тэнгу.

Мнения и оценки, которые читатель найдет на страницах книги, целиком и полностью принадлежат мне. Однако они возникли не вдруг и не сами по себе, они сформировались в процессе общения со старыми друзьями и новыми знакомыми. В этой связи хотелось бы особо отметить Роберта Конквеста, Криса Цвийча, Стива Форбса, Фредерика Форсита, Джеральда Фроста, Джона Халсмана, Гари Макдауэлла, Ноэля Малколма, Бориса Немцова, Джеральда П. О'Дрисколла, Джона О'Салливана, Ричарда Перле, Питера Дж. Петерсона, лорда Пауэлла Бэйсуотера, Джастиса Антонина Скалиа, лорда Скиделски и сэра Алана Уолтерса.

В завершение я хочу сказать спасибо Майклу Фишуику, Джеймсу Кэтфорду, Роберту Лейси и другим сотрудникам издательства HarperCollins, благодаря профессионализму которых книга приобрела свой нынешний вид.

Введение

Дискуссия об искусстве, или ремесле, государственного управления¹ не прекращается с момента появления первых государств. На протяжении веков менялись их формы: от греческих городов-государств, или *полисов*, с их ограниченным, исключительно мужским гражданством, к размаху Римской империи с ее верховенством закона; к идеализированным, если не идеальным, средневековым христианским государствам; к шумной Италии эпохи Возрождения (родине макиавеллиевского *Принца*); к абсолютным монархиям XVII и XVIII веков – времен Ришелье и Фредерика Великого; к французским революционным войнам и Наполеону – противоборствующим европейским империям и национализму XIX века; и, наконец, к демократическим концепциям государства всеобщего благосостояния XX века. Изложение полной истории развития искусства управления государством требует таких познаний, которыми я не обладаю². Однако даже простое сознание того, что за задачами и целями государственного управления нашего времени стоит столь богатая история, придает четкость взглядам и очерчивает перспективу.

Начало XXI века имеет свои особенности, определяющие содержание искусства управления государством в наши дни, которые можно выразить одним словом – «глобализация». На протяжении всего повествования я буду исследовать и анализировать стоящие за этим понятием реалии в сферах стратегии, международных акций, правосудия и экономики в разных странах и на разных континентах.

Начать следует, конечно, с сущности государства. Если верить некоторым комментаторам, глобализация означает конец государства в том виде, в каком мы его знали на протяжении веков. Однако они заблуждаются. В действительности глобализация лишь в какой-то степени ограничивает власть государства, не позволяя ему делать то, чего оно не должно делать вообще. А это нечто иное.

Мир подвижного капитала, международной рыночной интеграции, непосредственных связей, информации, для получения которой достаточно одного щелчка «мышкой», и открытых (в известной мере, конечно) границ, вне всякого сомнения, очень непохож на тот мир, который был столь мил сердцу политика любой окраски в прошлом. В результате сегодня правительствам, допустившим ошибки в управлении людьми или ресурсами, гораздо труднее избежать проблем. К сожалению, это все же возможно. Руководство многих африканских государств погрязло в воровстве. В целом ряде государств Азии не соблюдаются основные права человека. В большинстве европейских государств чрезмерно высокие налоги и жесткое регулирование. Несовершенная политика наносит ущерб тем, кто ее проводит, как, впрочем, и тем, от чьего имени они действуют, тем не менее плохие правительства – вовсе не редкость.

Эти довольно мрачные размышления следует, однако, уравновесить значительно более позитивными соображениями. Государства сохраняют свое значение, во-первых, потому, что именно они устанавливают правовые рамки, а разумная правовая основа имеет колоссальное значение (сейчас, возможно, большее, чем когда-либо) как для общества, так и для экономики. Во-вторых, потому что государства помогают развивать чувство самобытности, особенно когда их границы совпадают с территорией, занимаемой отдельной нацией, а с гло-

¹ Искусство и ремесло в определенном смысле синонимы. Однако последнее имеет более практический смысл, обозначая скорее деятельность, а не искусство влиять на образ мыслей; стратегию, а не умение действовать в своих интересах. Сплошь и рядом ремесло управления государством оборачивается просто политическим действием (нередко нашим собственным), которое мы, политики, санкционируем.

² Такими знаниями обладает Генри Киссинджер, судя по его научной работе «Дипломатия» (*Diplomacy*. New York: Simon and Schuster, 1994). В ее вводной части д-р Киссинджер прослеживает развитие ремесла управления государством с XVII в.

бализацией стремление людей к самобытности усиливается. И в-третьих, лишь государства обладают монопольным правом на принуждение, т. е. правом подавления преступности на собственной территории и защиты от внешней угрозы³. Функцию принуждения государство не должно отдавать никогда, хотя на практике она в какой-то мере все же может быть передана частному предприятию на договорной основе. Государство отличается от общества; оно, в конечном счете, – слуга, а не хозяин людей; его способность внушать страх не уменьшается. Все это – абсолютная правда. И все же мы нуждаемся в государстве и всегда будем нуждаться в нем⁴.

Роли государств в обеспечении международной безопасности в моей книге уделяется особое внимание. Это само по себе немного старомодно, по крайней мере могло показаться старомодным до событий 11 сентября 2001 года. Сегодня политики в демократических странах практически полностью сосредоточились на внутренних проблемах. Их вполне можно понять. В условиях демократии, чтобы появиться на мировой сцене, нам приходится сначала завоевывать голоса избирателей. Как однажды сказал Дизраэли, большинство – это «самый лучший ответ». Он вполне мог бы добавить к этому: и «самая лучшая основа для дипломатии». Однако факт остается фактом: вопросы войны и мира, которые веками занимали умы государственных мужей, сегодня вновь должны оказаться в центре их внимания и даже приобрести большее значение, чем в недавнем прошлом. Конечно, беспорядки, эпидемии и финансовые катастрофы тоже могут быть ужасными и разрушительными, но война – все же самое страшное испытание для человека.

Внешняя политика и обеспечение безопасности связаны с решением очень широкого круга вопросов помимо проблемы войны и мира. Дальновидный государственный деятель должен учитывать и оценивать целый спектр рисков и возможностей. Внешняя политика и обеспечение безопасности – это прежде всего использование силы и могущества для достижения собственных целей в отношениях с другими государствами. Я как консерватор абсолютно не боюсь подобного утверждения. Пусть другие пробуют добиться желаемых результатов в международных делах, не опираясь на силу. Они обречены на неудачу. А такие неудачи нередко наносят значительно больший ущерб, чем отстаивание национальных интересов с помощью традиционных средств – баланса силы и надежной системы обороны. В западных либеральных демократиях постоянно муссируется эта тема – эдакая смесь наивного идеализма и отвращения к силе, именно поэтому нам следует быть начеку⁵.

Один пример. В 1910 году Норман Энджелл, экономист и нобелевский лауреат, написал свою знаменитую книгу «Великая иллюзия» (*The Great Illusion*). В ней он утверждал, что из-за глобального роста экономической независимости, в частности великих держав, и из-за того, что реальные источники богатства сосредоточены в сфере торговли и потому не могут быть в конечном итоге захвачены, война за получение материального превосходства не имеет смысла. В этом есть рациональное зерно. Мир, а не война стимулирует коммерцию, а коммерция – основа процветания, при прочих равных условиях конечно. Однако в реальном мире эти условия вовсе не являются равными. При определенных обстоятельствах агрессия вполне может приобрести смысл для тирана или вооруженного до зубов фанатика. Она может стать привлекательной даже для целой нации. Протекционизм в торговле, закрывающий целым странам доступ к товарно-сырьевым ресурсам, необходимым для их промышленности, также может подтолкнуть политических лидеров к развязыванию

³ Эти аргументы проработаны более глубоко в эссе Мартина Вулфа «Выживет ли национальное государство в условиях глобализации?» (Martin Wolf. Will the Nation-State Survive Globalization? *Foreign Affairs*, January/February 2001).

⁴ Можно, конечно, возразить, что с нападением Усамы бен Ладена и его приспешников на Америку власть перешла от государства к террористам. Однако даже события 11 сентября 2001 г. показывают, насколько важна роль государства: бен Ладен не смог бы действовать, не будь у него баз в Афганистане и не пользуясь он поддержкой режима талибов.

⁵ Дополнительным примером может служить Лига Наций (см. главу 2).

«целесообразных» войн. В таких обстоятельствах совершенно теряются голоса жертв или тех, кто предвидит последствия, твердящих, что все прекрасно могут обойтись и без войны. Остаются лишь две возможности: сражаться или поднять белый флаг. Стремление к более безопасному миру и попытки гарантировать его замечательны. Однако, если, как в случае с Норманом Энджеллом, писатель вынужден поверить (и это всего за четыре года до самого ужасного мирового конфликта) в то, что «совершенно ясно, даже милитаристы... это допускают, естественные склонности среднего человека отдаляются все больше и больше от войны», значит, в этом есть что-то порочное⁶.

Высказывается мнение, или, по крайней мере, многие так думают, что единственной альтернативой этим опасным взглядам во внешней политике является полное отсутствие моральных стандартов. Мысль, заложенная сэром Генри Уоттоном в данное им определение дипломата как «добропорядочного человека, посланного за границу, чтобы лгать от имени своей страны», нашла более широкое применение⁷. И все же я не отношу себя к тем, кто полагает, что искусство управления государством – это демонстрация силы без всяких принципов. Для начала скажу, что чистая *Realpolitik*, т. е. внешняя политика, основанная на взвешивании силы и национального интереса⁸, представляет собой концепцию, теряющую четкость при более детальном анализе. Бисмарк, самый известный деятель среди применявших этот принцип на практике, однажды во время обеда заметил, что проведение политики, основанной на принципах, подобно движению по узкой лесной тропе с длинным шестом в зубах. Однако даже у Железного Канцлера были свои принципы: в конце концов, признал же он, что верен королю (а позже императору), а не немецкому народу, большая часть которого была его рукою исключена из Рейха⁹. Он поддерживал систему и ценности Прусского государства, а не либеральной демократической Германии. Как ни крути, такую политику нельзя считать чисто прагматической.

Далее, в эпоху демократии управление государством без учета моральных принципов почти невозможно, и вряд ли даже самым упрямым политикам стоит игнорировать этот факт. Со времени кампаний Глэдстоуна в графстве Мидлотиан в 1879 и 1880 годах, осуществленных на гребне разоблачений «аморальности» британской внешней политики, у политических деятелей, пытавшихся аргументировать свои действия исключительно национальным интересом, неоднократно возникали проблемы с поддержкой электората. А превращение Америки в великую державу с чутким общественным сознанием лишь подтвердило эту тенденцию.

Годы холодной войны также оставили глубокий неизгладимый след. Но и в то время, когда мир разделился на два военных блока с противоборствующими идеологиями – капиталистической и социалистической, национальный интерес и политические принципы по большей части были неотделимы друг от друга. Хотя после окончания холодной войны многое подверглось пересмотру, мало кто пытался утверждать, что национальный интерес был *единственным* значимым фактором при принятии внешнеполитических решений.

Что касается меня, то я предпочитаю проводить такую линию, которая опирается на принципы до тех пор, пока они не начинают действовать как удавка; кроме того, я предпочитаю

⁶ Norman Angell, *The Great Illusion: A Study of the Relations of Military Power in Nations to Their Economic and Social Advantage* (London: William Heinemann, 1910), p. 301.

⁷ Сэр Генри Уоттон (1568–1639), поэт и дипломат, сделал эту циничную надпись на форзаце книги во время выполнения поручения в Аугсбурге в 1604 г. Впоследствии она получила известность. Неосторожное выражение Уоттона не понравилось властям, и он потерял их расположение. Закончил свои дни в качестве ректора в Итоне.

⁸ Данное определение принадлежит Генри Киссинджеру (*Diplomacy*, p. 137).

⁹ Объединение Германии в 1870 г. привело к тому, что немцы, находившиеся под властью Габсбургов, не вошли в состав германского государства, которое в соответствии с политикой Бисмарка должно было создаваться на основе Пруссии, а не Австрии.

таю, чтобы эти принципы наряду с благими намерениями подкреплялись и сталью. Именно поэтому я считаю, что государственный деятель сегодняшнего дня должен принимать во внимание три аксиомы.

Во-первых, установление демократии во всех странах и на всех континентах остается законным и, более того, фундаментальным аспектом разумной внешней политики. Существует множество практических оснований для этого: демократические государства обычно не воюют друг с другом; демократия, как правило, способствует приходу к власти хорошего правительства; демократия в большинстве случаев неразрывна с процветанием. Конечно, я имею в виду подлинную демократию, т. е. правовое государство с правительством, имеющим ограниченную власть, где тирания большинства, равно как и меньшинства, находится вне закона. Как будет показано далее, у меня есть глубокие сомнения в практической ценности и законности некоторых инициатив, осуществляемых под лозунгом демократии и соблюдения прав человека¹⁰. Хотелось бы также предостеречь от превращения лучшего (идеальной демократии) во врага хорошего (несовершенной демократии)¹¹. Здравый смысл должен всегда сдерживать моральный пыл.

Во-вторых, разумный и стабильный международный порядок может строиться лишь на уважении к нациям и национальным государствам. Национализм, национальная гордость и национальные институты, несмотря на присущие им недостатки, формируют наилучшую основу для действующей демократии. Попытки подавить национальные различия или объединить различные нации с четко выраженными традициями в искусственные государственные образования очень часто заканчиваются провалом, а иногда – кровопролитием. Мудрый государственный деятель воспекает национальный статус и пользуется им.

В-третьих, какие бы уловки международной дипломатии ни использовались для сохранения мира, окончательным мерилом мастерства управления государством является решение вопроса, что делать перед лицом войны. Умение сдерживать войну и выиграть навязанную войну – две стороны одной монеты: и то, и другое требует непрерывного вложения средств в оборону и постоянной, нестигаемой решимости противостоять агрессии. В нынешние времена даже сама мысль о войне предана анафеме. Но, несмотря на это, на земле то тут, то там вспыхивают вооруженные конфликты разной интенсивности. Только в 1999 году военные действия велись в девятнадцати странах¹². Кроме того, было отмечено четыре межгосударственных вооруженных конфликта, связанных с борьбой за независимость и решением территориальных вопросов: конфликт в Косово (с последующим вмешательством стран НАТО); война между Эфиопией и Эритреей; столкновение Индии и Пакистана из-за Кашмира; арабо-израильский конфликт в южной части Ливана. Большинство подобных конфликтов случается в регионах, весьма удаленных от мест проживания западных политиков и избирателей. Однако в сегодняшнем мире, насыщенном оружием массового поражения, с его этническим и религиозным противостоянием, с его склонностью к международному вмешательству даже далекие войны несут реальную опасность.

Первый вариант этой книги был готов до террористического акта 11 сентября 2001 года в США. При анализе текущих событий всегда существует риск не поспеть за ними¹³. Именно это и произошло с «Искусством управления государством». По правде говоря, последствия

¹⁰ См. главу 7.

¹¹ См., например, дискуссию в главе 4.

¹² В Афганистане, Алжире, Анголе, Азербайджане, Бирме, Бурунди, Чаде, Колумбии, Демократической Республике Конго, Индонезии, Иране, Ираке, Косове, Мексике, Руанде, Сомали, Судане, Турции и Уганде (International Institute for Strategic Studies, *Strategic Survey 1999/2000*).

¹³ Так случилось с работой Генри Киссинджера, озаглавленной «Нужна ли Америке внешняя политика?» (*Does America Need a Foreign Policy?* New York: Simon and Schuster, 2001). Д-р Киссинджер привел в ней всего лишь три ссылки на терроризм.

чудовищного преступления того дня были настолько серьезными и травмирующими, что вполне можно согласиться с некоторыми комментаторами, утверждающими, что новому миру нужны и новые подходы.

Я не поддавалась. Я просто стала пересматривать свои взгляды и делать выводы в соответствии с новыми знаниями о масштабах угрозы со стороны исламского терроризма. Я стала также размышлять о том, как необходимость ведения глобальной войны против терроризма, которую объявил президент Буш и его союзники, изменила наши взгляды на взаимоотношения с другими великими державами, в частности с Россией, Китаем и Индией. Я подобрала аргументы для кардинально нового подхода к решению проблемы Ближнего Востока. Я попыталась оценить, насколько кризис изменил роль Великобритании в Европе или роль Европы в западном альянсе. Фактически я проверяла все еще раз.

В некоторых вопросах я и в самом деле изменила акценты. Отдавая приоритет разгрому терроризма (это необходимо сделать сейчас), мы неизбежно уделяем меньше внимания другим проблемам. Мы должны прийти к иному балансу между свободой личности и безопасностью общества в своей стране. За рубежом наше внимание также должно быть сфокусировано иначе. При создании коалиции для борьбы с общим врагом нам, возможно, придется, по крайней мере временно, сблизиться с не удовлетворяющими нас режимами, которые в другой ситуации были бы для нас объектом критики. Являясь сторонницей консервативных, а не либеральных взглядов в вопросах внешней политики и обеспечения безопасности, я вполне согласна с Уинстоном Черчиллем, который однажды так высказался о союзе с СССР в борьбе против нацистской Германии: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы, как минимум, постарался дать дьяволу хорошую рекомендацию». Слава Богу, нам не приходится иметь дело с такими союзниками, как Сталин, а рука дьявола ясно угадывается в действиях Усамы бен Ладена и его боевиков из «Аль-Каиды».

И все-таки мои взгляды не претерпели существенных изменений, причина здесь вовсе не в простом упорстве. Поясню.

Когда речь заходит о трагедии Америки, мы вновь и вновь слышим, что вторник 11 сентября – «это день, изменивший мир». Об этом кричат все заголовки. Об этом твердят дикторы радио и телевидения. Им за редким исключением вторят политики. Причина такого утверждения вполне понятна: в тот день произошел самый ужасный террористический акт. Граждане западных государств, а в особенности американцы, никогда прежде не чувствовали себя столь незащищенными и неподготовленными. Горе и негодование были просто безмерными.

Для тех, кто скорбел, реальность, несомненно, изменилась, причем навсегда. Со временем они, возможно, и обретут новый смысл жизни, новые источники утешения и блаженного забвения; однако никакие действия политиков или генералов не смогут вернуть им потерянного.

Мир вместе с тем не рухнул, он остался прежним, он просто лишился пелены многолетних иллюзий. После окончания холодной войны Запад почему-то решил, что теперь можно думать и говорить лишь о прелестях мира. После победы над главным врагом – советским коммунизмом – мысль о том, что могут появиться другие враги, способные нарушить наше тихое благополучие, казалась слишком нелепой.

Именно поэтому мы все больше и больше слышали о правах человека и все меньше и меньше – о национальной безопасности. Мы тратили больше на повышение благосостояния и меньше – на оборону. Мы позволили своим разведывательным службам расслабиться. Мы надеялись, а многие либерально настроенные политики давали нам для этого основания, что в «деревне величиной с Землю» существуют только добрые соседи. Лишь некоторые из нас осмеливались проявлять бестактность и заявляли, что лучшей основой добрососедства нередко является крепкая изгородь.

Итак, мир, более четкую картину которого мы видим сейчас глазами, промытыми слезами трагедии, был на самом деле таким всегда. Это мир риска, конфликтов и скрытого насилия. Такие ценности, как демократия, прогресс, терпимость, еще не стали господствующими. «Конец истории» мы достигли лишь в том смысле, что получили некоторое представление об Армагеддоне¹⁴.

Теперь нам известно, что террористы бен Ладена готовили свои преступления не один год. Распространение их безумной, порочной идеологии (язык не поворачивается назвать это религией) происходило на наших глазах. Мы были слишком зашорены, чтобы замечать что-либо. Короче говоря, мир никогда не переставал быть опасным. Однако Запад потерял бдительность. Без всякого сомнения, именно в этом главный урок трагедии 11 сентября, и мы обязаны усвоить его, если не хотим, чтобы наша цивилизация прекратила свое существование.

¹⁴ Пояснение к выражению «конец истории» приведено в главе 2.

Глава 1

Размышления о холодной войне

Картины на выставке

Во время работы над этой главой мне стало известно, что мой портрет в Лондонской национальной портретной галерее перенесли из зала современного портрета в зал исторического. Что ж, это абсолютно правильно. В конце концов, с того момента, как я покинула дом номер 10 по Даунинг-стрит, прошло уже 11 лет. Мир, как говорится, ушел вперед во всех отношениях.

К примеру, в 1990 году мы не могли и предположить, как велико будет воздействие информационной революции на бизнес, образ жизни и даже ход военных действий. Мы не могли себе представить, что всемогущая японская экономика окажется в состоянии глубокой депрессии, а Китай может развиваться так стремительно. Мы не могли предвидеть, что самая страшная угроза достоинству и свободе человека будет исходить от его способности с помощью генной технологии воспроизвести самого себя. И уж, конечно, даже самый дальновидный государственный деятель не мог предсказать ужасы 11 сентября 2001 года.

Мир, который существует сегодня, лучше всего понятен тому, кто хорошо знает, каким мир был вчера. А «мир, который был» – предшественник сегодняшнего мира доткомов, мобильных телефонов и генетически модифицированных продуктов – это свидетель борьбы не на жизнь, а на смерть, от исхода которой зависел дальнейший путь развития.

Конечно, вести разговор о холодной войне сегодня – значит возвратиться назад к эре длиной в целую жизнь, а не просто на полтора десятка лет назад. По правде говоря, как это неоднократно будет продемонстрировано в дальнейшем, основные реалии изменились значительно меньше, чем риторика. Однако изменения все же есть, причем такие, которые имеют огромное значение для мира.

Встреча в Праге

Споры о значении краха коммунизма будут продолжаться до тех пор, пока не исчезнут книги и издатели, готовые их публиковать. Во вторник 16 ноября 1999 года ряд основных участников тех драматических событий, в числе которых была и я, собрались в Праге, с тем чтобы представить свое видение истории. С того момента, когда чехословацкая «бархатная революция» привела к падению одного из наиболее жестких коммунистических правительств в Европе и установлению демократического режима, прошло уже 10 лет.

Я не участвовала в праздновании десятилетней годовщины падения Берлинской стены, которое состоялось в Берлине несколькими днями ранее. Это событие вызывало у меня чувство беспокойства. И вовсе не потому, что я страдаю ностальгией по коммунизму. Стена являла собой неоспоримое доказательство того, что коммунизм – это система порабощения целых народов. Президент Рейган был абсолютно прав в 1987 году, когда обратился к советскому лидеру с призывом: «Господин Горбачев, снесите же эту стену!»

Однако я не могла тогда, как не могу и сейчас, видеть в Германии просто другую страну, чье будущее зависит только от немцев, а не от кого-нибудь еще. Объединенная Германия, несомненно, вновь станет доминирующей державой в Европе. Было бы вполне дипломатичным, но в то же время и преступно наивным не замечать, что именно стремление Германии к господству привело на моем веку к двум ужасным глобальным войнам, которые унесли жизни сотен миллионов людей, в том числе девяти миллионов немцев. Немцы – культурный и талантливый народ, однако в прошлом они не раз демонстрировали поразительную неспособность ограничивать собственные амбиции и уважать своих соседей.

Хорошее знание прошлого и неопределенность будущего заставили нас с президентом Миттераном, при не слишком эффективной поддержке президента Горбачева, предпринять попытку замедлить процесс объединения Германии. Увы, наша попытка провалилась – отчасти из-за того, что у администрации США была иная точка зрения, но главным образом потому, что немцы взяли дело в свои руки, – однако они, в конце концов, имели на это право. К счастью, объединение произошло в рамках НАТО, что предотвратило образование опасного неприсоединившегося государства в центре Европы. Положительным было и то, что немцы получили возможность ощутить возврат контроля над своей собственной страной (будучи патриотом, я не отрицаю чужого права на патриотизм). Вместе с тем было бы лицемерием притворяться, что у меня нет серьезных опасений по поводу возможных последствий объединения Германии. Я не поехала в Берлин в октябре 1999 года, чтобы не портить торжества.

Совсем другое дело – встреча в Праге. На нее я очень надеялась попасть. Чехи пострадали и от нацизма, и от коммунизма. Оставленные демократическими государствами на произвол судьбы перед лицом агрессии обоих тоталитарных режимов, они слишком хорошо понимали необходимость бдительности.

Я всегда любила европейские города, которые в свое время находились за «железным занавесом», – Санкт-Петербург (за его великолепие), Варшаву (за ее героизм), Будапешт (за его изысканность). Но Прага – самый прекрасный город, в котором мне когда-либо довелось побывать. Она настолько прекрасна, что это сыграло определенную роль в ее судьбе. В 1947 году историк А. Дж. П. Тейлор спросил тогдашнего чешского президента Эдварда Бенеша, почему чешские власти не оказали более серьезного сопротивления Гитлеру, захватившему Чехословакию в 1939 году. Бенеш мог бы ответить, что чехи, поверившие обещаниям Германии, были захвачены врасплох. Или что их армия была слишком малочисленна для серьезного сопротивления. Однако вместо этого, к удивлению Тейлора, он распахнул окно сво-

его кабинета, из которого открывался вид на неповторимые красоты Праги, и заявил: «Вот почему мы уступили без боя!»

Чешская Республика была среди наиболее успешно развивающихся посткоммунистических стран, главным образом благодаря дальновидной экономической политике ее бывшего премьер-министра, моего давнего друга и гениального, по Хайеку, экономиста Вацлава Клауса. Ему, однако, не удалось бы добиться таких успехов, если бы чехи не сохранили интуитивного понимания того, как можно заставить работать гражданское общество и свободную экономику. Это понимание было заложено в исторической памяти, вкрапленной в их культуру: не стоит забывать, что до Второй мировой войны Чехословакия имела такой же доход на душу населения, как и Франция. Чехи – это люди, которые всегда знали, как надо жить и как надо работать. Именно по этим причинам я с радостью приняла приглашение посетить Прагу, куда должны были также приехать Джордж Буш-старший, Михаил Горбачев, Гельмут Коль, Лех Валенса и мадам Даниэль Миттеран (как представитель своего покойного мужа).

Хозяином встречи был президент Вацлав Гавел. Чехословакии безмерно повезло, когда она в 1989 году обрела символ народного сопротивления в лице г-на Гавела – абсолютно честного и пользующегося практически всеобщим уважением человека. В конечном итоге он стал президентом и национальным лидером. Президент Гавел относился к тому разряду лидеров, которых невозможно представить у власти в обычных условиях; некоторые усматривают в этом его достоинство. Видный драматург, интеллектуал, сочетающий в себе мужество и мягкость характера, он более пяти лет отсидел в тюрьме за свои убеждения. Его речь спокойна, но убедительна; он не оратор в обычном смысле этого слова, однако в нем есть что-то от проповедника, заражающего слушателей своим вдохновением и моральной твердостью.

Из окон кабинета г-на Гавела в президентском крыле Пражского замка, где мы встречались в тот день, открывался вид на реку и старый город на другом берегу. Его интерьер заметно изменился со времен Бенеша. У рабочего стола стояла большая статуя обнаженной женщины, выполненная в египетском стиле, – предпочтения президента в искусстве, как, впрочем, и в политике, отличаются от моих.

Президент Гавел по своим убеждениям, вне всякого сомнения, является антикоммунистом. Однако он принадлежит к левому крылу, и это нашло отражение в его взглядах на мир. В своей речи, произнесенной на следующий день, он сформулировал их таким образом: «В настоящий момент ощущается настоятельная потребность в новом восприятии современного мира, как многополярной, мультикультурной и глобально взаимосвязанной сущности, а также в таком преобразовании всех международных организаций и институтов, которое отражало бы это новое понимание». Именно подобные утопические высказывания, несмотря на то что они принадлежат столь красноречивому человеку, беспокоят меня.

Вместе с тем наши взгляды на аморальную природу коммунизма полностью совпали: это система (позволю себе вновь процитировать г-на Гавела), «в основе которой лежит ложь, ненависть и принуждение». Первое же общественное мероприятие, назначенное на утро среды, позволило мне понять настроения соотечественников президента. Я должна была открыть новый памятник сэру Уинстону Черчиллю – копию того, что установлен перед Вестминстерским дворцом в Лондоне. Ожидалось, что на церемонии открытия выступят Вацлав Клаус и Руперт Соумз, племянник сэра Уинстона.

В тот день было холодно, пронизывающий ветер пробирал до костей. Отказавшись от теплого пальто, я отправилась на церемонию в черном шерстяном костюме с меховой отделкой и очень скоро пожалела об этом. Довольно просторная площадь Черчилля в Праге оказалась заполненной людьми. Там собралось около семи тысяч человек, зрители высовывались из окон в надежде лучше разглядеть происходящее. Я начала свою речь:

Каждый раз, когда я приезжаю [в Прагу], мне кажется, что я попадаю в мир величественных церквей, дворцов и пробуждающих воспоминания произведений скульптуры. Признаюсь, я очень рада, что здесь нашлось место и для этого монумента. Среди этой красоты он будет напоминанием – а напоминания необходимы каждому поколению – о том, что свобода просто так не дается, за нее расплачиваются «кровью, изнурительным трудом, слезами и потом». Эта статуя сэра Уинстона Черчилля будет напоминать вам, как она напоминает мне, что свободе нельзя позволить исчезнуть с лица земли, что она должна существовать вечно.

Церемония получилась замечательной. Аплодисменты временами приобретали особое звучание, которое запоминается на всю жизнь. Под конец оркестр заиграл государственный гимн, и толпа со страстью подхватила его. Я могла лишь догадываться о том, что он значил для стариков, переживших вторжение нацистов, для более молодых людей, страдавших под властью коммунистов, и для совсем юных, которые не сталкивались в своей жизни с тоталитаризмом, но уже вкусили подлинной свободы.

Я простояла без движения почти час и совершенно замерзла. Когда мы спустились с трибуны, один чешский ветеран, сражавшийся в прошлой войне вместе с англичанами, попросил автограф. От холода у меня так дрожали руки, что я с трудом смогла расписаться. Подпись получилась настолько неразборчивой, что, несмотря на ее подлинность, когда-нибудь в будущем эксперты вполне могут счесть ее поддельной.

Дискуссия, состоявшаяся в тот день в огромном сверкавшем позолотой зале Пражского замка в стиле барокко, со всей очевидностью показала, что по сравнению с потрясшим меня единодушием чешского народа некоторые гости демонстрировали гораздо меньше согласия – прежде всего Михаил Горбачев. Дискуссия проходила под тактичным председательством историка Тимоти Гартона Аша, сыгравшего выдающуюся роль в событиях десятилетней давности. Слева от него сидели мадам Миттеран, Джордж Буш, я и Гельмут Коль. Справа – Вацлав Гавел, Михаил Горбачев и Лех Валенса. Тема обсуждения называлась «Десять лет спустя».

Довольно любопытно, что сформулированный таким образом заголовок выглядел поразительно незаконченным. Десять лет спустя – после чего? Очевидный ответ – после пражской «бархатной революции». Однако этот ответ нельзя было назвать единственным. Можно было вполне сказать «после крушения коммунизма», «триумфа свободы» или даже (что с точки зрения некоторых является спорным) «победы Запада в холодной войне». Варианты различались коренным образом, именно это и привело к разногласиям.

Все присутствующие (за исключением Даниэль Миттеран) были главными действующими лицами событий десятилетней давности, от которых зависел ход их развития. Лех Валенса, стоявший во главе профсоюза «Солидарность», сыграл решающую роль в борьбе за свободу Польши (я хорошо помню посещение судостроительного завода в Гданьске в ноябре 1988 года и попытки, как оказалось успешные, убедить генерала Ярузельского вступить в переговоры с «Солидарностью»¹⁵).

Михаил Горбачев положил начало реформам в Советском Союзе, которые привели – хотя и неожиданно для него – к крушению коммунизма. Вместе с тем наибольшей его заслугой, по всей видимости, следует признать решение не только не вводить танки, но и вообще не предпринимать никаких действий, когда страны восточного блока стали выходить из-под советского контроля.

¹⁵ *The Downing Street Years*, pp. 777–782.

Гельмут Коль, несмотря на потоки критики в его адрес, достоин, как наиболее выдающийся государственный деятель Германии, стать в один ряд с Бисмарком и Аденауэром. Он проявил неординарную политическую смелость перед лицом угроз и уговоров со стороны Москвы, когда она в 80-е годы отчаянно пыталась вбить клин между Европой и Америкой. Хотя я и не одобряю его тактику того времени, нельзя не признать, что он проявил незаурядные способности и умение при восстановлении целостности и обеспечении свободы своей страны в 1989–1990 годах.

Джордж Буш, хотя и выглядел усталым после длительной поездки по городам Европы, также присутствовал на встрече, как всегда в сопровождении Барбары. Мы с ним очень разные люди, у нас различные корни и отношение к жизни. Однако я очень высоко ценю его порядочность и патриотизм. Он взялся за продолжение дела Рональда Рейгана и успешно завершил его: умело применяя кнут и пряник, заставил Советы пойти по пути реформ и добился, чтобы объединение Германии проходило в рамках НАТО.

Я уже неоднократно говорила о своей собственной роли в событиях того времени: без твердой поддержки Великобритании администрации Рейгана вряд ли удалось бы удержать своих союзников на правильном пути. Я глубоко уверена, что именно то, что мы с Рональдом Рейганом разговаривали на одном языке (во всех отношениях), убеждало и друзей, и врагов в серьезности наших намерений.

Вклад каждого из присутствовавших, безо всякого преувеличения, был очень значительным. Однако человек слаб (а теоретики, как и политики, особенно подвержены человеческим слабостям), и со временем стали предприниматься попытки пересмотреть прошлое. В частности, нарочито преуменьшается роль Рональда Рейгана, а роль европейских лидеров, которые, за исключением Гельмута Коля, нередко пытались свести на нет усилия Америки, когда появлялась такая возможность, наоборот, приукрашивается; роль же г-на Горбачева, который явно потерпел неудачу в достижении объявленных им целей (спасение коммунизма и Советского Союза), представляется совершенно превратно.

Такие мысли занимали меня, когда я готовилась к выступлению на заседании. Конечно, я старалась держаться дипломатично. Я заявила, что «все на этом форуме чудесно». Вместе с тем в моей речи прозвучало, что именно Америка и Великобритания с их глубокой исторической приверженностью ценностям свободы сыграли решающую роль в ее завоевании. К этому я добавила, что сейчас меня занимает проблема утверждения свободы в других странах:

Мы получили уникальный шанс распространить свободу и господство закона на те страны, которые никогда их не знали, и именно в этом направлении, по моему убеждению, мы и должны двигаться. Я надеюсь, что ясно изложила свое мнение!

Видимо, так оно и было, судя по реакции г-на Горбачева, который буквально вышел из себя и энергично пустился в пространные возражения. Он утверждал, что в холодной войне не было победителей, обвинял людей вроде меня в «чрезмерном самомнении», заявлял, что ни одна отдельно взятая идеология – «ни либеральная, ни коммунистическая, ни консервативная, ни какая-либо иная» – не может дать всех ответов, и убеждал присутствующих в том, что «даже коммунисты хотели сделать мир более счастливым».

Из всего этого следовало, что, поскольку никто не победил (или, что было важнее для г-на Горбачева, никто не проиграл) и ни одна отдельно взятая идеология не могла удовлетворить потребности сегодняшнего мира, поиски решения должны продолжаться. Стоит ли удивляться тому, что они должны осуществляться с помощью столь милого всем наимоднейшего средства – обращения (как он буквально выразился) к «новым методам, новой фило-

софии, новому мышлению, которые могут помочь нам понять друг друга и условия мира, переживающего процесс глобализации».

Г-н Горбачев – великолепный, яркий, располагающий к себе оратор, – поверьте, я в этом хорошо разбираюсь. На той встрече он занял почти треть времени. Однако содержание его высказываний в Праге, по моему разумению, было, мягко говоря, сомнительным.

В то же время их нельзя было с легкостью отместить. Они являлись выражением стратегии, принятой левыми во многих странах в попытке избежать ответственности за грехи коммунизма и поставить себе в заслугу более прагматичные и современные взгляды на мир, созданный теми, кто действительно боролся с коммунизмом. И то, и другое следует решительно выявлять и опровергать.

Попытки пересмотра итогов холодной войны имеют разное обличье. Однако все они исходят из предпосылки, что политика Рональда Рейгана в отношении Советского Союза была слишком демонстративной, опасной и даже ведущей к обратным результатам. Такой подход раздражает меня вовсе не из-за моих дружеских чувств к давнему другу. Просто он всегда, – как прежде, так и сейчас, – вызывает у меня ощущение опасности, поскольку ошибочные выводы могут привести к неоправданным действиям.

Эти соображения я озвучила в тот же вечер в ответном слове во время церемонии вручения мне и другим высоким гостям чешского ордена Белого Льва. Я сказала:

Вера в достоинство личности, в то, что государство должно служить, а не господствовать, в право собственности и независимость – вот ценности, которые поддерживает Запад и за которые мы боролись во времена, называемые холодной войной. За десять лет, прошедшие с момента крушения коммунизма, об этом великом противостоянии было написано очень много. За это время нет-нет да и случались попытки пересмотреть его итоги. Однако правда слишком дорога для нас, чтобы поддаваться моде.

Принимая эту награду, мне хотелось бы назвать имя человека, который имеет большее, чем кто-либо другой (и большее, чем я), право претендовать на победу в холодной войне без единого выстрела: это, конечно, президент Рональд Рейган. То, что его нет здесь с нами (причины тому хорошо известны¹⁶), лишь подчеркивает, как много других, погибших в застенках, не смогло приехать сюда.

Радуюсь тому, что Европа едина и свободна, мы не должны забывать о той страшной цене, которую пришлось заплатить за защиту и восстановление свободы. Как написал Байрон:

О вечный дух свободного ума!
Луч света в глубине темниц – свобода!
Всегда ты в сердце, рвущемся на волю.
Ты расправляешь крылья, ветром вея свежим,
Когда сыны твои в оковах, в вечном мраке,
А их страна кричит от боли.

Я хочу напомнить сегодняшним политикам (судя по тому, какой прием мне был оказан, простые граждане Чехии не нуждаются в подобных напоминаниях) о том, что холодная война была войной за свободу, правду и справедливость. Победа в ней принадлежит антикоммунистам.

¹⁶ С 1994 г. президент Рейган не участвует в общественной жизни из-за прогрессирующей болезни Альцгеймера.

Запад победил

И прежде всего, победил Рональд Рейган. Реальную взаимосвязь между действиями администрации Рейгана и реакцией Кремля можно будет установить лишь после того, как будут раскрыты (конечно, если такое произойдет) и изучены полные, подлинные архивы Советского Союза. Однако уже сейчас вполне можно доказать, что президент Рейган заслуживает звания главного архитектора победы Запада в холодной войне. Это, без всякого сомнения, следует из высказываний последнего советского министра иностранных дел Александра Бессмертных на интереснейшей конференции по советско-американским отношениям в 80-е годы¹⁷.

Среди прочего в высказываниях Александра Бессмертных прозвучали следующие слова по поводу размещения осенью 1983 года американских крылатых ракет и баллистических ракет «Першинг – 2» в Европе в ответ на принятие СССР на вооружение ракет СС – 20 и яростную пропагандистскую кампанию и угрозы:

...Решение определенно вызвало крайнее разочарование... Ситуация чрезвычайно осложнилась, поскольку были затронуты интересы Советского Союза. Вместе с тем, оценивая ретроспективу с позиций сегодняшнего дня, я полагаю, что этот факт сам по себе... помог сконцентрировать усилия на поиске решений.

А вот что он сказал по поводу объявленных президентом Рейганом в том же году планов реализации Стратегической оборонной инициативы (СОИ):

...Я бы сказал, что одним из поворотных моментов, когда стратеги в Советском Союзе начали, возможно, даже пересматривать свои позиции, стало объявление программы СОИ в марте 1983 года. В головы [советских] лидеров закралось подозрение, что за этим может скрываться нечто очень, очень опасное.

И, наконец, по поводу взаимосвязи между инициативами Рейгана по укреплению обороны (включая как размещение ядерных ракет среднего радиуса действия в Европе, так и решение о реализации СОИ) и внутренней слабостью Советского Союза:

...К моменту прихода Горбачева к власти в Москве статистические показатели уже свидетельствовали о том, что ситуация в экономике была не слишком хорошей. Поэтому, когда вы заговорили о СОИ и контроле над вооружениями, экономический элемент... временами, с моей точки зрения, полностью захватывал Горбачева, *особенно в процессе подготовки к встрече в Рейкьявике*. (Курсив автора.)

Саммит в Рейкьявике в октябре 1986 года, на который ссылается г-н Бессмертных, был, как я уже не раз отмечала, поворотным пунктом холодной войны¹⁸. Г-н Горбачев уже знал из прошлых дискуссий с президентом Рейганом, как горячо тот поддерживает СОИ, в которой видит не только практическую необходимость, но и моральную цель: программа направлена на защиту людей и опирается не только на ядерное устрашение. Советскому лидеру, располагающему всей полнотой информации, также было хорошо известно, что Советский Союз с его находящейся в застое экономикой и технологической отсталостью не мог ничего проти-

¹⁷ Я благодарю Школу Вудро Вильсона при Принстонском университете за материалы этой конференции, предоставленные в мое распоряжение.

¹⁸ *The Downing Street Years*, pp. 469–472.

вопоставить СОИ. Ему необходимо было любой ценой остановить реализацию программы. Именно поэтому он и пытался предложить президенту Рейгану серьезное сокращение ядерных вооружений в обмен на одно условие: программа СОИ не должна выходить за «рамки лабораторий».

Михаилу Горбачеву удалось взять верх, а Рональд Рейган проиграл PR-битву в результате срыва переговоров. Тем не менее американский президент все же победил в холодной войне и сделал это без единого выстрела. В декабре 1987 года Советы сняли свое требование отказаться от СОИ и приняли американское предложение о сокращении вооружений, а именно предложение о полном выводе из Европы ядерного оружия среднего радиуса действия. Г-н Горбачев перешел Рубикон. Советский Союз вынужден был признать, что стратегия, которую он проводил с 60-х годов, – стратегия бряцания оружием, подрывной деятельности и пропаганды для прикрытия внутренней слабости и сохранения статуса сверхдержавы, – окончательно и бесспорно потерпела провал.

Меня все же удивляет, что левые пытаются отрицать это. Конечно, заблуждение – это не преступление. Однако то, как некоторые ведут себя, поверив, что Советский Союз оказался победителем, не многим отличается от преступления. Эти люди просто слепы, поскольку не хотят видеть, поскольку ослеплены классической социалистической верой в то, что власть государства – кратчайший путь к прогрессу. Так, американский журналист Линкольн Стеффенс, посетивший Советский Союз в 1919 году, написал: «Я видел будущее; и оно реально».

В разгар голода 1932 года, самого ужасного в российской истории, биолог Джулиан Хаксли заявил, что в России «уровень физического состояния и здоровья [людей] лучше, чем в Англии». Джордж Бернард Шоу писал, что «Сталин выполнил обещания, которые еще 10 лет назад казались неосуществимыми, и я снимаю перед ним шляпу». В не меньшей степени был поражен и Герберт Уэллс, который говорил, что он никогда «не встречал человека более искреннего, справедливого и честного... никто не боялся его, и все доверяли ему». Гарольд Ласки полагал, что советские тюрьмы (переполненные политическими заключенными, содержащимися в ужасающих условиях) позволяют осужденным вести «полноценную жизнь и сохранять чувство собственного достоинства»¹⁹.

Сидней и Беатриса Уэбб были просто ошеломлены триумфом советского эксперимента. Их книга объемом в 1200 страниц, расхваливавшаяся всеми средствами советской пропаганды, первоначально называлась «Советский коммунизм: новая цивилизация?», однако знак вопроса исчез из заглавия второго издания, вышедшего в 1937 году, когда террор достиг наибольшего размаха²⁰.

В способности левых связывать все лучшее с коммунизмом, а худшее с антикоммунизмом есть нечто повергающее в трепет. Даже когда советская система лежала в конвульсиях экономической смерти, экономист Дж. К. Гэлбрейт в 1984 году так описывал свой визит в СССР:

О том, что советская система за последние годы добилась колоссальных успехов в материальном производстве, свидетельствуют как статистические данные, так и общий вид городских районов... Это заметно по облику людей на улицах... В определенной мере успехи российской

¹⁹ Эти примеры заимствованы из книги Пола Джонсона «Нынешние времена» (*Modern Times*, London, 1992, pp. 275–276).

²⁰ Роберт Конквест. Научная общественность и советский миф (*Academe and the Soviet Mith*, *The National Interest*, spring 1993).

системы обусловлены тем, что она, в отличие от экономики западных промышленно развитых стран, в полной мере задействует рабочую силу²¹.

Профессор Гэлбрейт – один из сторонников некогда модной теории «конвергенции», в соответствии с которой капиталистическая и социалистическая модели со временем должны сближаться и, в конечном итоге, привести к миру социальной демократии, который вберет в себя все лучшее и будет лишен недостатков. Проблема этой теории заключается в том, что ее приверженцы вынуждены постоянно выискивать достоинства советской системы, которая не смогла предложить ничего существенного советским гражданам. Один из диссидентов того времени Владимир Буковский однажды заметил (имея в виду поговорку об омлете, который нельзя приготовить, не разбив яиц), что он видел массу разбитых яиц, но попробовать омлета ему так и не удалось.

Подобную ошибку (я вернусь к этому вопросу в одной из следующих глав) делают и те советологи, которые пытаются анализировать и представлять развитие событий в Советском Союзе, оперируя понятиями «голуби» и «ястребы», «либералы» и «консерваторы», «левые» и «правые»²². (Мне совершенно непонятно, зачем называть бескомпромиссных коммунистов «консерваторами», а фашиствующих антисемитов «правым крылом», – разве только чтобы сбить с толку оппонентов в либеральных средствах массовой информации.) Защитники теории «конвергенции» и некоторые сторонники политики разрядки предполагают, что любой конкретный шаг Соединенных Штатов должен вызывать аналогичный ответный шаг со стороны Советов²³. Отсюда следует, что если мы хотим мира, то не должны готовиться к войне, если хотим безопасности, то не должны угрожать, а если хотим сотрудничества, то должны идти на компромиссы. Такой подход был совершенно неоправдан, по крайней мере пока Советский Союз оставался той сверхдержавой с экспансионистской идеологией, какой он был до середины – конца 80-х годов.

Доказательство тому лежит на поверхности. Пока во главе Соединенных Штатов стояла администрация (Никсона, Форда и Картера), которая шла на компромисс с Советами, Советский Союз продолжал наращивать свои арсеналы и усиливать военное присутствие в разных частях мира. Но стоило только появиться президенту, открыто поставившему в качестве целей достижение военного превосходства, всеобъемлющее соперничество и сдерживание советской мощи, как Советский Союз пошел на сотрудничество и разоружение, а впоследствии развалился. Критики президента Рейгана, в отчаянной попытке найти кого-нибудь, кому можно было бы поставить в заслугу окончание холодной войны, увидели неожиданное спасение в лице Михаила Горбачева, которому приписали преобразование всего на свете. Роль г-на Горбачева и в самом деле была позитивной и очень важной. Однако противникам президента Рейгана так и не удается объяснить, почему (выражаясь словами профессора Ричарда Пайпса) «после четырех лет жесткой рейгановской политики конфронтации Советский Союз не ответил тем же... не назначил такого же бескомпромиссного, агрессивно настроенного первого секретаря, а остановился вместо этого на человеке, склонном к компромиссам»²⁴.

²¹ Источник: «Визит в Россию» (A Visit to Russia, *New Yorker*, 3 September 1984); цитата заимствована из книги Динеша Д'Суза «Рональд Рейган: как обыкновенный человек стал выдающимся лидером» (*Ronald Reagan: How an Ordinary Man Became an Extraordinary Leader*, New York, 1999, p. 4).

²² См. главу 3.

²³ Генри Киссинджер отстаивает свою концепцию разрядки в статье «Между старым "левым" и новым "правым"» (Between the Old Left and the New Right, *Foreign Affairs*, May-June 1999). Он приводит следующий аргумент: «В начале 70-х годов решения, которым позже станет высокоэффективная политика Рейгана, просто не существовало. Препятствием для появления такой политики была вовсе не администрация Никсона или Форда, а либеральный Конгресс и средства массовой информации». Правда, он также допускает, что «Рейган оказался более чутким к чувствам американцев».

²⁴ Р. Пайпс, «Ошибочная трактовка холодной войны: сторонники жесткой линии оказались правы» (Misinterpreting the Cold War: The Hard-Liners had It Right, *Foreign Affairs*, Winter 1995), отзыв на книгу Реймонда Гарттофа «Великое превра-

Столь серьезное заблуждение, похоже, совсем не помеха для карьеры в мире, сложившемся после окончания холодной войны. Напротив. Вчерашние критики стратегии, которая так блистательно разрушила Советский Союз, получили возможность выстраивать отношения с его наследниками. Г-н Строуб Тэлботт в период работы журналистом в журнале *Time* неоднократно критиковал усилия Рейгана по укреплению обороноспособности, отвергал СОИ, подвергал сомнению эффективность идеи внешнего давления со стороны Запада, называл холодную войну «навязчивой идеей», отвлекающей мир от других, более важных проблем, и считал НАТО «не более чем временным образованием»²⁵. И что же, в администрации президента Клинтона он получает место заместителя госсекретаря.

Все это в наше время *приобретает* чрезвычайное значение. Если столь влиятельные люди не понимают или просто забыли, против чего мы боролись в холодной войне и как нам досталась победа, значит, они не могут даже сохранить, не говоря уже о том, чтобы углубить, завоевания, которые дала свобода.

Холодную войну иногда изображают как борьбу между двумя сверхдержавами: Соединенными Штатами (и их союзниками) с одной стороны и Советским Союзом (и его марионетками) – с другой. Термин «сверхдержава» не нравился мне в те времена, поскольку он предполагает некую моральную равнозначность двух политических полюсов. Конечно, с одной стороны, борьбу за превосходство вели друг с другом равные в широком смысле государства. Однако эта равнозначность по размышлению вовсе не однозначна. Намного важнее и значительнее для нас сегодня то, что холодная война шла между двумя прямо противоположными системами, опирающимися на отрицающие друг друга философские теории и имеющими абсолютно разные цели.

Советская коммунистическая система была в некотором смысле проще. Ее главная цель заключалась в стремлении к мировому господству идеологии марксизма-ленинизма и коммунистической партии, которая являлась высшим хранителем этой идеологии и единственным получателем выгоды от нее. Такая цель, по мнению оппонентов, не предполагала никаких моральных ограничений, само упоминание которых казалось абсурдным. Коммунизм не признавал никаких ограничений, кроме тех, что были обусловлены силой его врагов. В рамках такой системы личность ценилась настолько, насколько она могла выполнять отведенную ей роль. Высказывание взглядов, проявление творческой энергии, любые виды «личной» активности разрешались только в том случае, если они приближали «революцию», т. е. совпадали с интересами стареющих обитателей Кремля. Осуществление мировой революции все откладывалось. Случались, однако, моменты, особенно во взаимоотношениях Советского Союза с Китаем, когда между поборниками великой социалистической «идеи» возникали разногласия по поводу темпа ее реализации, методов руководства и ближайших задач. Вместе с тем цель создания всемирного социалистического общества, состоящего из идеологически убежденных граждан, оставалась неизменной.

По другую сторону находилась Америка со своими союзниками. То, что мы для краткости называем «Запад», на деле являлось настолько сложным, насколько простым был «Восток» (в коммунистической терминологии). Прежде всего, он включал в себя целый ряд государств. В рамках НАТО – организационного воплощения оборонительного решения Запада – отдельно взятые государства проводили непрерывно меняющуюся политику в соответствии со своими интересами и решениями, принимаемыми их народами на демократической основе. Америка была лидером; однако ей приходилось всякий раз убеждать своих друзей в необходимости следовать за ней. Этот факт являлся отражением фундамен-

щение: американско-советские отношения и окончание холодной войны» (*The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*, Washington, 1994).

²⁵ Переосмысление красной угрозы (*Rethinking the Red Menace*, *Time*, 1 January 1990).

тального отличия в философии. Само существо западной культуры – и главная причина как силы, так и слабости западной политики в годы холодной войны – заключается в признании уникальной ценности каждого человека.

Если взглянуть на вещи таким образом, становится ясно, почему опыт холодной войны так важен сегодня. Еще важнее понимать, что борьба между двумя противоположными подходами к политической, социальной и экономической организации человеческого бытия не закончилась и не закончится никогда.

Ни падение Берлинской стены, ни победа в Персидском заливе, ни развал Советского Союза, ни утверждение свободного рынка и в какой-то мере демократии в Юго-Восточной Азии – ничто не ослабило конфликта между свободой и социализмом в его бесчисленных обликах. Сторонники западной модели с ее жестко ограниченным правительством и максимальной свободой личности в рамках господства закона нередко утверждают, и совершенно справедливо: «Мы знаем, что работает». Конечно знаем! Однако всегда находятся политические лидеры и, все чаще, группы давления, которые упорно пытаются убедить людей в том, что они не в состоянии управлять своей собственной жизнью и что этим должно заниматься государство. К сожалению, существуют и люди, которые предпочитают бездействие борьбе, зависимость независимости и скромное вознаграждение лишь только потому, что никто не получает больше. Опасность того, что, как выразился Фридрих Хайек в своей «Дороге к рабству», «стремление к спокойной жизни станет сильнее любви к свободе»²⁶, присутствует всегда. Этого допускать нельзя.

В противном случае мы окажемся в ситуации, о которой предупреждал прозорливый французский обозреватель Алексис де Токвиль в своих рассуждениях о возможности постепенной утраты свободы демократическими странами.

«[Граждане] оказываются под присмотром всепроникающего, покровительствующего государства, которое единолично обеспечивает их занятость и в целом отвечает за их судьбу. Это государство абсолютно, внимательно к каждой мелочи, последовательно, предусмотрительно и великодушно. Его забота походила бы на родительскую, если бы оно готовило своих подопечных к взрослой жизни, но вместо этого оно пытается удержать их в вечном детстве... Так почему бы полностью не освободить людей от необходимости думать и вообще заботиться о своей жизни? День ото дня свобода выбора превращается во все более бесполезное и случайное занятие, свобода воли запирается в узких границах, а граждане мало-помалу лишаются возможности проявлять свои способности. Основу для такого существования закладывает уравниловка, именно она подталкивает людей безропотно терпеть его, а нередко и рассматривать как некое благо...

Я всегда считал, что эта описанная мною форма упорядоченного, мягкого, мирного рабства вполне может облекаться (значительно легче, чем принято считать) в обертку свободы и что она может утвердиться, даже прикрываясь лозунгом независимости людей»²⁷.

Только уверенность в том, что свобода, за которую мы боролись с социализмом в годы холодной войны, является незыблемой ценностью *сама по себе*, позволяет нам не попасть в заманчивый, но безжизненный тупик, который изобразил де Токвиль.

Именно поэтому мой давний оппонент Михаил Горбачев ошибался, когда высказывался в Праге насчет альтернативы коммунизму, которую Запад предлагал в прошлом и кото-

²⁶ F.A. Hayek, *The Road to Serfdom*, London: Routledge and Kegan Paul, 1979, p. 95.

²⁷ Alexis de Tocqueville (ed. J.P. Mayer and Max Lerner, trans. George Lawrence), *Democracy in America* (New York: Harper and Row, 1966), p. 667. Алексис де Токвиль (1805–1959) – политический философ, политик и историк.

рую предлагает теперь. Политическая и экономическая свобода – это не лотерея, в которой один счастливчик может вытянуть приз и насладиться им, не поделившись с другими.

На самом деле западная модель свободы реальна и универсальна, а ее вариации обусловлены лишь культурными и прочими особенностями. Теолог Майкл Новак окрестил ее «демократическим капитализмом»²⁸. Это хорошее название, поскольку оно подчеркивает связь между политической и экономической свободой. Существенно то, что его предложил человек, чья профессиональная деятельность в большей мере ассоциируется со сверхъестественными теориями, а не политическими программами. Несколько позже я постараюсь дать более детальное представление о западной модели свободы²⁹. Однако скажу сразу: ее главная и определяющая особенность в том, что она опирается на правду – правду о природе человечества, о его стремлениях, о мире, который оно надеется построить.

²⁸ Michael Novak, *The Spirit of Democratic Capitalism* (London, 1991).

²⁹ См. главу 11.

Глава 2 Победа Америки

Моя Америка

Америка, которую я увидела во время своей первой после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон поездки с выступлениями, была более мрачной, сдержанной и сосредоточенной, чем прежде. Через полтора месяца после объявления войны «Аль-Каиде» и «Талибану» всех волновало лишь одно, и моим долгом было озвучить лишь одну мысль:

Великобритания знает, чем она обязана Америке. Мы понимаем, насколько близки наши страны. Дело Америки было и всегда будет нашим делом. Я хочу сегодня заявить, что Великобритания едина с Америкой в борьбе с терроризмом³⁰.

Я регулярно бываю в Соединенных Штатах в течение уже более тридцати лет. Однако с Америкой меня связывает нечто более тонкое и труднообъяснимое, чем это многолетнее знакомство. Я не раз задумывалась над тем, в чем это «нечто» заключается.

Шарль де Голль как-то сказал, что у него есть «своя идея Франции»³¹. Точнее, что он «создал для себя» эту идею. Чтобы сформировать идею страны, вовсе не обязательно иметь какую-то особую точку зрения. Если вы хотите, чтобы эта идея была правильной, нужно постичь загадку национальной самобытности.

У меня тоже есть идея Америки. Скажу больше, я не могу утверждать того же в отношении какой-либо другой страны, за исключением собственной. Это не простая сентиментальность, хотя я всегда ощущаю себя на десять лет моложе (несмотря на нарушение биоритмов из-за разницы во времени), когда ступаю на американскую землю: ее люди несут такой заряд позитивности, щедрости и открытости, который неизменно оказывает бодрящее действие. Кроме того, я чувствую своего рода участие в жизни Америки. Чем объяснить такое отношение?

На то есть две причины. Во-первых, в эпоху запутанных идей и ложных посылок я со всей отчетливостью осознала правоту того, что Уинстон Черчилль сказал в своей знаменитой речи в Фултоне, штат Миссури, в 1946 году:

Мы не имеем права отказываться от бесстрашного провозглашения великих принципов свободы и прав человека, которые являются общим достоянием англоязычного мира и которые через Великую хартию вольностей, Билль о правах, Хабеас корпус акт³², суд присяжных и английское общее право нашли прекрасное отражение в американской Декларации независимости.

Понимание глубинной общности этого самого «англоязычного мира» и его ценностей необходимо нам сейчас как никогда.

Вторую причину моего ощущения взаимосвязи с Америкой я вижу в том, что Америка – это больше, чем нация, государство или сверхдержава; именно в этом и заключается

³⁰ Выступление в Форт-Уорте, штат Техас, 19 октября 2001 г.

³¹ «Toute ma vie, je me suis fait une certaine idee de la France». Charles de Gaulle, *Memoires de guerre: l'Appel*, 1940–1942 (Paris, 1954), p. 1.

³² Habeas Corpus Act – английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности. – Прим. пер.

ее идея – идея, которая трансформировала и продолжает трансформировать всех нас. Америка уникальна своей мощью, богатством и мировоззрением. У этой уникальности есть свои корни, и они в значительной степени английские. Еще во времена зарождения первых поселений на другой стороне Атлантики их обитатели имели твердые религиозные, моральные и политические убеждения.

Об этом свидетельствуют незабвенные слова Джона Уинтропа, обращенные в 1630 году с палубы крошечного суденышка *Arbella* у побережья Массачусетса к первым поселенцам:

Мы должны соединиться в этой работе в единое целое. Мы должны питать друг к другу братские чувства. Мы должны отказаться от всяких излишеств, чтобы дать другим хотя бы самое необходимое...

Мы подобны городу на холме. Взоры всех народов устремлены на нас, и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и он лишит нас своей милости, мы станем притчей во языцех во всем мире.

Переселенцы искали свободы, чтобы действовать по своему выбору и усмотрению, однако, как показывают слова Уинтропа, они не были релятивистами или либералами. Ими двигало чувство персональной и коллективной ответственности. У них была сильна самодисциплина, они жили в соответствии с суровым духом общины. Переселенцы были кальвинистами, я же воспитывалась в менее строгих методистских взглядах. Тем не менее в моем родном Грантеме и его окрестностях находились проповедники, напоминавшие Уинтропа, так что атмосфера, которая нас окружала, не так уж сильно отличалась. Поэтому мне кажется, что я понимаю переселенцев, которые для меня воплощают одну из сторон американского характера, одну из сторон американской мечты.

Однако Америка – это не новый Иерусалим. Ее не могли создать одни святые, а если бы и могли, то вряд ли она добилась бы процветания. С течением времени все больше и больше людей покидали свои дома в Старом Свете и отправлялись на поиски лучшей жизни в Новом просто по материальным соображениям. И их нельзя за это осуждать. Они искали лучших возможностей для себя и своих семей и были готовы пойти на огромные жертвы, чтобы их получить. Этих людей отличало бесстрашие, упорство, энергия. Они также, независимо от их происхождения, судьбы и надежд, являются важной частью американской истории. Именно благодаря их готовности идти на риск, предприимчивости и смелости, преодолевающим любую опасность, откуда бы она ни исходила – от природы или от человека, – были освоены девственные леса и бескрайние прерии. Неважно, кем они были – охотниками, фермерами, торговцами или (позже) горняками, – их дух составляет основу сегодняшнего американского характера.

Ответственность и основополагающая ценность человеческой личности составляют фундамент организованной свободы. До войны за независимость у американских колонистов в силу обстановки эти чувства были развиты очень сильно. Политическая культура, на которой выросли американские колонии, т. е. английская политическая культура, тоже всегда была пропитана этими чувствами.

Один из американских ученых, профессор Джеймс К. Уилсон, приводит следующие факторы, сыгравшие значительную роль в формировании модели английской (а позднее британской) свободы: физическая изоляция (которая помогала нам защищаться от вторжений); глубоко укоренившееся и широко распространенное признание частной собственности; этническая однородность (которая помогла создать общую культуру) и традиционное уважение к закону и правам, которые он гарантирует³³. Отцы-основатели Соединенных Штат

³³ James Q. Wilson. Democracy for All? American Enterprise Institute, April 2000.

тов Америки унаследовали все это. Их взгляды на права субъекта и цели Конституции явились продолжением того, что накапливалось в течение более пяти веков в стране, чье ярмо они решили сбросить.

Я выдвинула этот тезис во время выступления на церемонии присвоения мне звания почетного ректора колледжа Уильяма и Мэри в Уильямсбурге, штат Виргиния, в феврале 1994 года³⁴.

Исторические корни наших [англо-американских] отношений многообразны. Общий язык, общая литература, общая законодательная база, общая религия и тонкое переплетение обычаев и традиций с того самого момента, когда две наших нации отделились друг от друга. Даже когда основатели этой великой республики пришли к выводу, что ход развития истории требует ликвидации политической зависимости от Великобритании и приобретения независимого и равного положения в ряду других государств земного шара по закону природы и Бога, это наши Локк и Сидни, наши Харрингтон и Коук указали вашим Генри, Джефферсону, Медисону и Гамильтону правильное направление³⁵.

Подобные соображения представляют не только академический интерес. Их значимость в том, что они позволяют нам осознать одну из истин, касающихся Америки, а именно тот факт, что она – оплот борьбы за свободу в мире, поскольку в сохранении ценностей свободы заключается смысл самого ее существования.

Именно поэтому я чувствовала себя вправе почти два года спустя, выступая на эту же тему, заявить следующее:

Современный мир – и это не шутка – ведет свой отсчет от 4 июля 1776 года. В тот день мятежные колонисты закрепили на бумаге истины, не требующие доказательств, и торжественно поклялись не жалеть ни жизни, ни состояния, ни доброго имени для их защиты: «Все люди созданы равными, они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами... и, чтобы гарантировать эти права, люди договорились между собой создать правительства, которые получают власть с согласия тех, кто находится под их управлением». С того момента патриотизм понимался уже не как преданность отечеству, а как преданность универсальным и вечным принципам³⁶.

То же, вне всякого сомнения, можно сказать и о других революциях. Однако они не смогли выдержать этого испытания. Французская революция принесла свободу в жертву равенству (братство же вообще не имело никакого реального значения), а равенство быстро уступило дорогу диктатуре. Сегодня конструктивные результаты того переворота можно обнаружить лишь в административных преобразованиях, которые пришли ему на смену. Большевицкую революцию можно рассматривать в ретроспективе как возврат к наиболее

³⁴ В 1693 г. король Уильям III и королева Мэри издали указ об основании колледжа, которому были присвоены их имена, в том месте, где сейчас находится Уильямсбург, штат Виргиния. Это второй старейший колледж в Соединенных Штатах.

³⁵ Джон Локк (1632–1704) – английский либеральный философ; Эдджернон Сидни (1622–1683) – английский государственный деятель и лидер вигов, находившихся в оппозиции к королю Чарльзу II; Джеймс Харрингтон (1611–1677) – английский политический философ; сэр Эдвард Коук (1552–1634) – выдающийся английский судья и составитель свода законов; Патрик Генри (1736–1799) – американский государственный деятель и оратор; Томас Джефферсон (1743–1826) – третий президент Соединенных Штатов и автор Декларации независимости; Джеймс Медисон (1751–1836) – четвертый президент Соединенных Штатов и «отец» Конституции; Александр Гамильтон (1757–1804) – американский государственный деятель и основной автор «Федералистских документов».

³⁶ Из лекции о Джеймсе Брайсе в Институте Соединенных Штатов при Университете Лондона 24 сентября 1996 г.

одиозной разновидности традиционной тирании, дополненной технологическим аппаратом тоталитаризма. Здесь вообще не было каких-либо конструктивных результатов.

Американскую революцию нельзя назвать революцией ни в одном упомянутом смысле. Она реализовалась через войну, но ее целью были мир и процветание. Она привела к разрыву политических уз с Великобританией, но у нее не было программы социального или культурного преобразования. Принесенная ею новизна была одновременно более ограничена и более радикальна, поскольку, опираясь на английские представления о правах субъекта, господстве закона и связанном ограничении правительства, она провозгласила доктрину, которая стала основой демократии.

Очень часто, особенно когда мне приходится выступать в Соединенных Штатах, я кладу в свою сумочку зачитанный желтый томик изданной по случаю ее двухсотлетия Конституции Соединенных Штатов с автографами членов Верховного суда США – подарок президента Джорджа Буша-старшего. В предисловии к ней ныне покойный Уоррен Бергер, один из выдающихся американских судей и председатель Верховного суда с самым большим стажем, пишет: «Конституция [США] – это не дар правителей народу, находящемуся под их властью, – как Великая хартия вольностей, дарованная королем Иоанном Безземельным в Раннимеде в 1215 году, – а передача народом власти правительству, которое он создал».

Это концентрированное выражение того, что американская революция дала миру, а Америка – мне.

Из этих размышлений вытекают определенные выводы, касающиеся международной политики.

- **Только Америка имеет моральное право, а также материальную основу, позволяющие занимать место мирового лидера.**
- **Судьба Америки неразрывно связана с отстаиванием ценностей свободы в глобальном масштабе.**
- **Ближайшие союзники Америки, в особенности союзники из англоязычного мира, должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки своей собственной миссии.**

Полюс только один

Как я уже говорила в предыдущей главе, нравится вам это или нет, но в холодной войне победу одержал Запад. И все же главным победителем являются Соединенные Штаты. Только Америка имеет все необходимое, чтобы возглавлять в соответствии со своим историческим и философским предназначением дело борьбы за свободу, и я это приветствую. Вместе с тем есть немало таких, кто не только не одобряет этого, но вообще не признает.

Как выражаются на своем жаргоне эксперты по геополитике, а в таких вопросах жаргон в определенной мере неизбежен, с окончанием холодной войны и развалом Советского Союза мы переместились от «двухполярного» к «однополярному» миру. На сегодня Америка – единственная сверхдержава. Ни одна из сверхдержав прошлого – ни Римская империя, ни империя, созданная Габсбургами, ни Британская империя – во времена их расцвета не обладали таким превосходством в ресурсах и размахе над своим ближайшим соперником, как современная Америка. Причину этого нельзя объяснить лишь последствиями холодной войны. Это в такой же мере и результат динамизма, присущего американской системе.

Сильную неприязнь к Цезарю, Габсбургам и представителям Великобритании питали все, кто завидовал их могуществу: такова общая судьба сильных мира сего. Америке же, напротив, до недавнего времени удавалось избегать подобной участи. Объясняется это тем, что за пределами своего полушария у нее не было никаких территориальных притязаний. На самом деле потенциал Америки до сегодняшнего дня всегда превышал ее реальную власть.

Соединенные Штаты, как и приличествует величайшей демократической стране мира, – воитель поневоле. В две мировые войны XX века эта страна вступила последней. Даже во времена холодной войны Америка, что иногда упускают из виду, долгое время не опускалась до агрессивного антисоветизма. Концепция сдерживания (оказавшая на внешнюю политику Америки тех лет большее влияние, чем что-либо другое), которая лежала в основе оборонительной доктрины, предполагала не отбрасывание коммунизма, а предотвращение его расползания по всему миру. Именно этим и было обусловлено доброжелательное к ней отношение.

Однако в последнее время американцы были вынуждены гораздо серьезнее взглянуть на ту враждебность, которая исходит от влиятельных сил за пределами ее границ. Противников Америки не связывает, по крайней мере в настоящее время, ничто, кроме ненависти. Более умеренные или более осмотрительные среди них, к которым следует отнести некоторые страны континентальной Европы (особенно Францию), Россию и Китай, выражают свое неприятие статуса Америки в терминах альтернативной доктрины «мультиполярности». Так, президент Франции Жак Ширак выдвинул новую идею «коллективной власти», призванной обуздать власть Америки, а премьер-министр Лионель Жоспен посетовал на то, что «Соединенные Штаты нередко действуют в одностороннем порядке и с трудом справляются с той ролью, которая им отводится, т. е. ролью организатора международного сообщества»³⁷. Такой язык особенно обожает Пекин. В апреле 1997 года тогдашний президент России Борис Ельцин и председатель КНР Цзян Цземинь договорились о китайско-российском «стратегическом партнерстве», нацеленном против того, кто будет «подталкивать мир к однополярному устройству». Через месяц французский президент – «всегда к вашим услугам» – согласился с принимавшей его китайской стороной в том, что существует необходимость установления международного порядка с «другими центрами помимо Соединенных Штатов»³⁸. А совсем недавно премьер-министр Швеции, выступивший в роли хозяина сум-

³⁷ Процитировано Джеффри Гедмином в *The Weekly Standard*, 29 March 1999.

³⁸ Процитировано Йозефом Йоффе в статье «Как это делает Америка», *Foreign Affairs*, September-October 1997.

бурного европейско-американского саммита в Гетеборге, стал расхваливать Европейский союз «как один из немногих институтов, который способен составить противовес американскому мировому господству»³⁹.

Угрозы в адрес Америки со стороны поборников исламской революции значительно отличаются по своему тону и смыслу от ворчания брюзгливых государственных деятелей. Задолго до 11 сентября 2001 года вождь исламских террористов Усама бен Ладен совершенно недвусмысленно заявил о своих (и не только своих) целях:

Мы говорим, что наступит черный день для Америки и конец Соединенных Штатов в том виде, в каком они существуют сейчас. Они распадутся на отдельные государства, и уберутся с нашей земли, и заберут тела своих сыновей обратно в Америку с Божьей помощью⁴⁰.

Бен Ладен и его сообщники уже тогда заходили слишком далеко в своих планах.

Перед лицом такого враждебного отношения у любой великой державы появляются два соблазна. Во-первых, это изоляционизм, о котором было немало разговоров. И в самом деле, судя по высказываниям в отношении Америки, может вполне показаться, что мосты уже разведены. Президент Клинтон, к примеру, усматривал «новый изоляционизм» в принятом в октябре 1999 года (и совершенно справедливом) решении сената, направленном против договора о запрете испытаний ядерного оружия. Это было частью более широкой кампании, направленной на то, чтобы убедить избирателей в недостаточной приверженности Республиканской партии мировой роли Америки. Именно в этом контексте следует рассматривать и случай, когда подавляющее большинство демократов в Конгрессе проголосовало *против* войны в Персидском заливе в 1991 году. Очень важным было и решение собственной партии Клинтона в Конгрессе, лишившее его полномочий на ведение переговоров по торговым соглашениям. Президент Джордж Уокер Буш, со своей стороны, предложил в ходе избирательной кампании подход к американской внешней политике и обеспечению безопасности, названный им «истинно американским интернационализмом», который предусматривал «реализм в служении американским идеалам». Он торжественно заявил, что «Америка по осознанному выбору и волей судьбы будет поддерживать распространение политической свободы – и считать наивысшей для себя наградой расширение демократии». В этом нет и следа изоляционизма. Как, впрочем, его нет и в действиях новой администрации, которая подтвердила свое обязательство защищать Европу, предложила расширить НАТО вплоть до включения в его состав балтийских государств, сделала попытку установить новые прагматические взаимоотношения с Россией, а также выступила с идеей создания гигантской зоны свободной торговли, охватывающей Северную и Южную Америку. Войне против терроризма президент Буш отдал колоссальные силы и проявил в ней незаурядные способности, создав международную коалицию, ориентированную на достижение американских целей.

Большинство консервативных критиков международных проектов Америки во времена Клинтона хотели, чтобы национальный интерес соседствовал или даже стоял выше более широких целей. Я не согласна с некоторыми из них, однако их беспокойство было вполне оправданным, и девять критиков из десяти не заслуживают ярлыка «изоляциониста».

Меня очень беспокоит другой соблазн, который трудно преодолеть творцам американской внешней политики, – соблазн использовать полномасштабную интервенцию в попытке достичь плохо проработанных целей. Я беспокоюсь вовсе не из-за того, что Америка может стать слишком сильной, а потому, что она может расплыть свои возможности и, в конечном счете, потерять обязательный мандат народа на применение силы.

³⁹ *New York Times*, 15 June 2001.

⁴⁰ Интервью с Джоном Миллером в ABC News, воспроизведено в журнале *Middle East Quarterly*, December 1998.

Какие же критерии должны определять, как и куда Америка и ее союзники имеют право вторгаться? Здесь нельзя уступать попыткам установить жесткие правила: одним из признаков разумного управления государством является признание того, что один кризис качественно отличается от другого и требует конкретного подхода. Однако в свете такого признания ясность стратегического мышления приобретает еще большее значение: на незнакомой территории компас просто необходим. Это полностью подтвердилось опытом вмешательств, предпринятых Америкой и ее союзниками после окончания холодной войны.

Война в Персидском заливе против Ирака, в подготовке к которой я участвовала, продемонстрировала, как многим казалось в то время, порядок вещей, к которому мы идем. Вторжение Саддама Хусейна в Кувейт, произошедшее ранним утром 2 августа 1990 года, вряд ли могло случиться в разгар холодной войны. Москва просто не допустила бы подобного безрассудного авантюризма со стороны кого-либо из своих вассалов. С другой стороны, во времена холодной войны ни за что бы не удалось добиться столь единодушной поддержки Советом Безопасности ООН использования силы против Саддама, особенно если эта «сила» представляла собой операцию под руководством США на Ближнем Востоке⁴¹.

Такой была обстановка, когда президент Джордж Буш-старший выступил 11 сентября на совместной сессии Конгресса США с обращением, добавившим новое выражение в лексикон аналитиков международной политики. По замыслу президента, его речь должна была обеспечить поддержку операции в Персидском заливе и ее целей, которые он обрисовал следующим образом:

Ирак должен полностью уйти из Кувейта, немедленно и без всяких условий. К власти должно быть возвращено законное правительство Кувейта. В Персидском заливе должна быть восстановлена безопасность и стабильность. Кроме того, должны быть защищены американские граждане.

Пока все хорошо, даже отлично.

Однако президент на этом не закончил.

Наступило время новых партнерских отношений между странами, и сегодня мы стоим перед лицом уникального и выдающегося момента. Кризис в Персидском заливе, несмотря на всю его серьезность, дал нам редкую возможность перейти к историческому периоду сотрудничества. Из глубины этих беспокойных времен... может появиться *новый мировой порядок*. Новая эра – более свободная от угрозы терроризма, более твердая в отстаивании справедливости и более непоколебимая в стремлении к миру. Эра, в которую государства земного шара, востока и запада, севера и юга могут процветать и жить в согласии. (Курсив автора.)

Так родилось понятие «новый мировой порядок».

Как я неоднократно отмечала в связи с высказываниями президента Гавела, подобные сентенции меня настораживают. Президент Буш, впрочем как и любой другой лидер в период ведения военных действий, имел все основания для высокопарных заявлений. Однако того, кто действительно поверил в то, что «новый порядок», какого бы рода он ни был, идет на смену беспорядку в человеческих взаимоотношениях, и в особенности во взаимоотношениях между государствами, скорее всего ожидает сильное разочарование.

По правде говоря, чего я пыталась добиться в числе прочих первостепенных задач после ухода с Даунинг-стрит (и после того, как Саддам Хусейн пришел к власти в Багдаде), так это некоторого охлаждения интернационалистических амбиций, порожденных войной в

⁴¹ О моей собственной роли в этих событиях можно прочитать в книге «Годы на Даунинг-стрит» (*The Downing Street Years*, pp. 816–828).

Персидском заливе. Так, выступая в Совете по международным отношениям в Лос-Анджелесе в ноябре 1991 года, я вовсе не пыталась оспорить факт утверждения новых отношений между государствами после крушения советского коммунизма и последовавшего за ним расширения демократии и свободного предпринимательства, я даже не придиралась к выражению «новый мировой порядок». Я просто призвала к осмотристельности. Я напомнила о до боли похожем языке «нового мирового порядка», которым характеризовалась дипломатия между двумя мировыми войнами, и процитировала эпитафию Лиге Наций, принадлежащую генералу Смутсу: «То, за что в ответе все, в конце концов оказывается ничьим. Все кивают друг на друга, а агрессоры остаются безнаказанными».

Будь я менее тактичной, я могла бы добавить, что Саддам Хусейн также «остался безнаказанным», хотя бы потому, что он все еще находится у власти в Багдаде, в то время как мы с президентом Бушем уже пишем мемуары.

Война в Персидском заливе преподнесла целый ряд уроков, но лишь часть из них понята нами, а из некоторых сделаны неправильные выводы. Важно то, что кампания против Саддама оказалась совершенно нетипичной для конфликтов периода, начавшегося после окончания холодной войны. Единодушное одобрение проведения военной акции было результатом кратковременного и счастливого стечения обстоятельств. Стоит только России и Китаю встать в позу, как Совет Безопасности ООН теряет эффективность в разрешении серьезных кризисов. Нетипичным было и то, что Саддам Хусейн настроил против себя большинство мусульманских государств. Как он ни старался, ему так и не удалось сыграть на их антизападных настроениях и найти таким образом союзников. Саддам промахнулся. Однако события в мире после окончания холодной войны развиваются скорее в соответствии с тезисом Самьюэла Хантингтона из «Столкновения цивилизаций», где противостоящие религии и культуры борются за господство, а не с прогнозом Франсиса Фукуямы из «Конца истории», где демократия неизбежно одерживает глобальную победу⁴².

Реальные уроки войны в Персидском заливе не имеют ничего общего с «новым мировым порядком», зато они напрямую связаны с фундаментальной потребностью в успешных военных вмешательствах. Решительность американского руководства во главе с президентом Бушем и превосходство американской военной техники – вот что обеспечило поражение Саддама. Помогли Америке в этом ее союзники, особенно Великобритания и Франция. Дипломатические усилия, направленные на сплочение коалиции, также были чрезвычайно полезными. И все же именно американская сила и решение применить ее прекратили войну; они могли бы добиться и мира, если бы чрезмерная забота о международном мнении не удержала Америку от намерения полностью разоружить иракские вооруженные силы.

Война в Персидском заливе реально продемонстрировала необходимость американского лидерства. Однако это не всем по вкусу, закрадывается подозрение, что в какой-то мере – и Госдепартаменту США. Многосторонность, иными словами использование силы не иначе как под эгидой Организации Объединенных Наций и в международных целях, стала почти навязчивой идеей.

Стоит вспомнить, насколько непохожими были прежние случаи американского военного вмешательства. В период правления президента Рейгана акции против режима в Гренаде в 1983 году и Ливии в 1986 году представляли собой не что иное, как открытое применение силы в целях защиты американских интересов и интересов Запада в целом⁴³. До войны в Персидском заливе и президент Буш придерживался такой формулы. Когда 20 декабря 1989 года Соединенные Штаты отстранили от власти правительство генерала Норьеги в Панаме,

⁴² Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (London: Hamish Hamilton, 1992); Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon and Schuster, 1996).

⁴³ О моей собственной роли в этих событиях можно прочитать в книге «Годы на Даунинг-стрит» (*The Downing Street Years*, pp. 326–332 and 441–449).

они устранили наркоторговца, который планировал враждебные действия в отношении американских граждан и представлял угрозу жизненным интересам Америки в зоне Панамского канала. Это была крупномасштабная операция с участием 26-тысячного контингента военнослужащих, которая вызвала международные протесты, – я практически одна твердо ее поддерживала.

И вот с появлением доктрины «нового мирового порядка» здравомыслие уступило место поискам международного согласия. Военное вмешательство в Сомали стало вершиной процесса принесения национальных интересов США в жертву многосторонности. В декабре 1992 года президент Буш санкционировал размещение 30-тысячного контингента военнослужащих США для обеспечения надежного снабжения продовольствием населения Сомали, находившегося на грани голодной смерти в значительной мере в результате хаоса, который последовал за свержением президента Мохаммеда Сиада Барре в январе 1991 года. Президент Буш обосновал необходимость этой акции в телевизионном обращении к нации.

Я понимаю, что Соединенные Штаты не в силах искоренить все зло на Земле. Однако мы хорошо знаем, что некоторые кризисы в мире не могут быть разрешены без участия Америки. Наше вмешательство нередко является необходимым катализатором более широкого вовлечения сообщества наций. Только Соединенные Штаты способны разместить крупные силы безопасности в столь отдаленных районах быстро и эффективно и тем самым спасти тысячи невинных людей от гибели.

Фактически Сомали стала первым объектом «гуманитарного вмешательства». Позднее, во времена президента Клинтона, доктрина многосторонности достигла апогея. В мае 1993 года контроль над операциями перешел к ООН. В составе 28-тысячного воинского контингента было пять тысяч американских солдат. Впервые американские военные находились под командованием ООН, что явилось радикальным отступлением от правил. До того момента в столкновениях на территории Сомали погибли восемь американцев. Однако по мере усиления сопротивления сомалийских полевых командиров, особенно наиболее влиятельного из них, Мохаммеда Фара Саида, ситуация ухудшалась. К концу операции погибло более сотни миротворцев (в том числе и 30 американских солдат), а более 260 (в том числе 175 американских) получили ранения. Спустя полгода после артиллерийской дуэли в октябре 1993 года, стоившей жизни 18 американским солдатам, США официально завершили свою миссию в Сомали. Операция, которая продолжалась целый год, обошлась ООН в 2 млрд долларов, не считая 1,2 млрд долларов, затраченных США. Вмешательство, преследовавшее благие цели, оставило после себя все тот же хаос. Его наследием стали также мучительные поиски причин неудачи, которая задела престиж Америки и заставила ее ответственность предельно настороженно относиться к подобным предприятиям.

Вмешательство в Сомали – прекрасный пример того, чего следует избегать. Его цели были недостаточно хорошо продуманы; оно страдало «расширением миссии», т. е. втягиванием в то, что первоначально не предусматривалось и на что не было ресурсов; и, наконец, линия поведения командования была расплывчатой.

Я сомневаюсь, что администрации Буша и Клинтона действительно горели желанием «что-то сделать» для Сомали, – не обращали же они внимания на страдания в Хорватии и Боснии с конца осени 1991 года. (К этому вопросу я вернусь в разделе, посвященном балканским проблемам, поскольку они взаимосвязаны и по-своему поучительны⁴⁴.) Напомню, что до подписания в марте 1994 года Вашингтонского соглашения, которое положило конец хорватско-мусульманскому конфликту, США демонстративно не вмешивались в

⁴⁴ См. главу 8.

дела бывшей Югославии, ссылаясь на то, что это проблема европейская и решать ее должна Европа. Лишь в августе 1995 года, когда европейская дипломатия наконец сдалась, бомбардировки НАТО в поддержку сухопутных хорватско-мусульманских войск позволили установить новый баланс сил и открыли дорогу к установлению мира.

Военное вмешательство на Гаити осенью 1994 года стало началом постепенного возврата к внешней политике, преследующей американские национальные интересы. Более 16 тысяч гаитянских беженцев были задержаны береговой охраной США в течение нескольких месяцев, предшествовавших вмешательству. В основном это были экономические мигранты, однако коррумпированное, авторитарное военное правительство Гаити, без сомнения, усугубило ситуацию. Совет Безопасности ООН санкционировал военное вмешательство под руководством США, цель которого заключалась в возврате к власти президента Жана-Бертрана Аристиды. Реально же бывший президент Джимми Картер сумел путем переговоров добиться мирной передачи власти американским военным в составе 15-тысячного контингента, которые затем обеспечили возвращение Аристиды. Эта операция под кодовым названием «Восстановление демократии», которую президент Клинтон назвал «победой во имя свободы во всем мире», не была на деле ни тем, ни другим. Аристид не имел никакого отношения к демократам, он скорее представлял крайнее левое крыло авторитаризма, а республика Гаити с тех пор практически не продвинулась на пути к законности, честности и стабильности. Америка потратила на Гаити 3 млрд долларов, однако там все равно царят невежество, бедность и коррупция. Государство по-прежнему является центром наркоторговли. Единственное, что принесло вторжение на Гаити, – это некоторое усиление иммиграционного контроля США.

После Гаити в центре дебатов о средствах, масштабах и целях международного вмешательства оказались Балканы. Шестидесятитысячная объединенная группировка войск из США и стран Европы была размещена в Боснии в соответствии с Дейтонским соглашением 1995 года, однако, несмотря на опасения Конгресса и очевидное раздражение администрации, пока не видно масштабного вывода этих сил.

Кульминационным моментом в исполнении обязательств по обеспечению мира в Боснии стала операция НАТО в Косово весной 1999 года. Эту кампанию отличали три важных обстоятельства.

Во-первых, военная акция была предпринята без четкой санкции Совета Безопасности ООН. Конечно, правовым прикрытием в какой-то мере могли служить несколько более ранних резолюций ООН, в которых говорилось о необходимости предотвращения катастрофы⁴⁵. Однако в случае операции в Косово не было предпринято никаких попыток получить санкцию Совета Безопасности ООН на применение «всех необходимых средств» (т. е. военной силы) до начала операции. В этом отношении было сделано серьезное отступление от практики, опробованной в ходе войны в Персидском заливе в 1990 году. Кроме того, блок НАТО, считавшийся доселе оборонительным союзом без права предпринимать действия «вне сферы своей компетенции», стал организацией, от имени которой велись военные действия. Таким образом, данное вмешательство имело совершенно иную правовую и организационную основу, чем операция в Персидском заливе.

Во-вторых, косовская кампания с самого начала рассматривалась и обосновывалась как «гуманитарное вмешательство». В этом, конечно, есть определенный расчет: выпячивание гуманитарной стороны и замалчивание силовой позволяет избежать малоприятных

⁴⁵ В частности, Резолюция Совета Безопасности ООН за номером 1160, в которой осуждаются репрессии Сербии в отношении косоваров и признается, что ситуация, складывающаяся в результате этого, а также ответное насилие со стороны Армии освобождения Косово представляют угрозу для международного мира и безопасности. Кроме того, Резолюция за номером 1199, принятая за полгода до акции НАТО, где выражается беспокойство Совета Безопасности в связи с надвигающейся гуманитарной катастрофой.

вопросов о необходимости серьезной санкции ООН (рассчитывать на которую не приходилось из-за обструкционистской политики России и Китая). Кроме того, идея гуманитарной трагедии, создающей угрозу международному миру и стабильности, а следовательно оправдывающей международное вмешательство в дела суверенного государства, уже и так витала в воздухе и в Сомали, и на Гаити, и в Боснии. Однако возможность использования силы в гуманитарных целях, до этого считавшаяся новой доктриной, не имеющей определенного содержания и четкой правовой основы, теперь объявляется базой возрожденного, хотя и не провозглашенного «нового мирового порядка».

Прежде всего, эту доктрину горячо приняли и поддержали такие энтузиасты агрессивного интернационализма, как премьер-министр Великобритании Тони Блэр. Выступая в Экономическом клубе Чикаго в апреле 1999 года, г-н Блэр претендовал на роль «свидетеля рождения новой доктрины интернационального сообщества». Он заявил, что «мы не можем отказываться от участия в глобальных рынках, если хотим добиться успеха» – это абсолютно правильно. Далее он добавил, что «мы не можем пренебрегать новыми идеями, возникшими в других странах, если хотим добиться обновления» – это уже вовсе не истина, а пустые слова. Но его заключительная мысль о том, что «мы не можем отвернуться от конфликтов и нарушения прав человека в других странах, если хотим чувствовать себя в безопасности», есть не что иное, как открытое упрощенчество.

Мы *можем* верить в оправданность вмешательства во имя прекращения страданий, причиняемых правителями своим подданным или одной этнической группой – представителям другой; я твердо знаю, так бывало иногда прежде, так случается и сейчас. Мы *можем* верить в необходимость поддержания готовности к вмешательству во имя нашей безопасности или защиты нашего союзника, – убеждена, мы обязаны проявлять решительность в этом плане. Однако делать вид, что эти две цели всегда, или хотя бы обычно, совпадают, просто нелепо. Подобное заблуждение в большей степени опасно для Америки как сверхдержавы с глобальными интересами, чем для менее крупного государства, например Великобритании. Доктрина «интернационального сообщества» а-ля Блэр – это установка на неразбериху, распыление сил и, в итоге, ввиду неизбежного провала, на отказ Америки от глобальной ответственности.

Третья и последняя отличительная особенность косовской операции, которую я хочу отметить, напрямую связана со способностью Америки начать и довести до успешного конца вмешательство – это опора на современную военную технику не только для достижения превосходства над противником, но и для предотвращения потерь со стороны НАТО. Правильно это или нет, но большинство ведущих американских политиков полагают, что общественность не готова принять даже риск, не говоря уже о реальности, потерь в Косово.

Возможно, это не так. А если и так, то является следствием плохого руководства или неопределенности объявленных (и необъявленных) целей военной операции. Как ни парадоксально, огромную роль может играть телевизионное освещение современных кризисов. Показывая столь живо страдания находящихся где-то далеко людей, телевидение значительно увеличивает давление в поддержку вмешательства. А драматизируя горе семей погибших военнослужащих, оно подрывает решимость сражаться и идти на риск потерь.

Обязательства Америки по обеспечению безопасности в мире настолько широки, а жертвы, которые она приносит, настолько значительны, что ее союзникам не следует жаловаться на нежелание американских семей нести потери в чужих войнах. Однако американские лидеры должны сознавать, что подобная репутация, пусть даже необоснованная, на руку врагам Америки. Когда, как в Косово, из-за опасения потерять хотя бы один самолет военные действия ведутся с высоты не менее 5000 метров, мы не можем рассчитывать на эффективное предотвращение этнических чисток среди гражданского населения, которое мы обязались защищать.

Технологическое превосходство Америки, которое сыграло решающую роль в Персидском заливе, ко времени событий в Косово (восемь лет спустя) стало еще очевиднее. В косовской операции замечательным было не столько превосходство Америки над югославской армией, которая весьма умело защищала себя, сколько ее превосходство над союзниками по НАТО. Факты красноречиво говорят сами за себя.

Хотя все 19 членов НАТО внесли свой вклад в операцию, доля Соединенных Штатов была подавляющей. Америка покрыла 80 % всех расходов, а Великобритания и Франция – большую часть остатка. США предоставили 650 из 927 самолетов, которые принимали участие в кампании. На долю американских пилотов приходится две трети выполненных боевых заданий. Почти все высокоточные ракеты были выпущены с американских самолетов. Только США предоставили бомбардировщики дальнего радиуса действия, которые сбросили и выпустили половину всех бомб и ракет.

Причиной такой диспропорции явилось в целом вовсе не отсутствие поддержки со стороны стран НАТО (за исключением Греции) и, прежде всего, Великобритании. Проблема заключалась в том, что ни количество военной техники, ни качество вооружения союзников Америки не позволяли им быть эффективными партнерами США. Хотя британские ВВС совершили более тысячи боевых вылетов, три четверти выпущенных ими снарядов были неуправляемыми. Когда плохая видимость не позволяла использовать высокоточное оружие с лазерным или оптическим наведением, успешно применялось лишь американское оружие, так называемые «боеприпасы прямого попадания», которое поражало цели в любых погодных условиях. Наконец, именно американские средства разведки позволили идентифицировать практически все цели для бомбометания в Сербии и Косово.

Можно ли рассматривать Косово как некий образ международной политики будущего? Думается, что нет. По крайней мере, по одной причине. Нам следует всячески остерегаться использования доктрины гуманитарного вмешательства в качестве главного, а тем более единственного оправдания применения силы. Существует же, в конце концов, традиционная альтернатива. Суверенные государства обладают правом на самооборону, которое имеет преимущественную силу перед Уставом Организации Объединенных Наций и не зависит ни от него, ни от числа голосов на международных форумах. Другие государства имеют право прийти на помощь тем, кто стал жертвой агрессии. Именно для этого и существуют альянсы, подобные НАТО. Привычка вмешиваться во все, сочетание точечных ударов высокоточным оружием с лицемерным обращением к высоким принципам ведет нас к бесконечным осложнениям. Вмешательства должны быть немногочисленными и ошеломляющими по своим результатам.

Нет ничего более рискованного, чем высказывать свои умозаключения по текущим конфликтам, каким является на момент подготовки этой книги операция против бен Ладена и движения «Талибан». С другой стороны, если общие соображения по осуществлению вмешательств имеют практическую ценность, значит, они должны быть применимы и к частным случаям, даже к такому, с каким столкнулась сейчас Америка.

Опыт последних лет и в самом деле помогает – хотя бы не повторить ошибок. Акция против бен Ладена, его террористических группировок и государства, которое дало им приют, морально оправданна, законна и необходима. Америке не требуется чье-либо согласие на самозащиту от ничем не спровоцированного нападения на свой народ. Ей нужна поддержка тех стран, чья территория или воздушное пространство необходимы для проведения военных операций. Для нее может быть полезной практическая помощь союзников; Великобритания особенно активна в этом отношении, что делает честь ее премьер-министру Тони Блэру.

Важно лишь не втянуться в строительство более широких коалиций, которое превращается в самоцель. Как мы уже видели на примере войны в Персидском заливе в 1990 году,

международное давление, особенно со стороны самого альянса, вполне может не дать довести акцию до конца и оставить будущие проблемы без решения. Меня успокаивает тот факт, что президент Буш, по всей видимости, пока считает эту операцию американской, а следовательно, именно Америка будет решать, как ее осуществлять.

Когда демократические страны начинают войну, они, вполне естественно, ссылаются на высшие моральные принципы. Так всегда было с войнами, которые вела Америка. Эти принципы и в самом деле лежат в основе настоящего конфликта. Заявления о том, что демократии, свободе и терпимости угрожает террор со стороны исламских фанатиков, – не пустая риторика. Однако для победы в войне требуется больше, чем моральный пыл: для этого необходимы ясные представления о целях и конкретные планы; точная оценка силы врага и его намерений; упреждающие действия, позволяющие минимизировать риски и защититься от последствий. Тем более все это необходимо в войне против терроризма, поскольку действовать приходится в удаленных регионах и, в значительной степени, в неизвестных условиях.

В подобных обстоятельствах сделанные мною выше выводы о необходимости ограничения числа целей вторжения и максимизации результатов особенно уместны. Вне всякого сомнения, Западу следовало бы прилагать больше усилий в прошлом, чтобы не допустить превращения Афганистана в пороховую бочку. Мы просто обязаны предоставлять сейчас гуманитарную помощь. Вместе с тем я хотела бы предостеречь от бесконечных неудачных экспериментов с государственным строительством. Самое главное – нейтрализовать угрозу, которая привела к преступлению 11 сентября. Это означает уничтожение террористов и их покровителей, и не только в Афганистане, но и в других местах – задача не из легких даже для глобальной сверхдержавы.

Американская акция против бен Ладена и «Талибана» демонстрирует также еще одну особенность вторжений, которую не следует упускать из виду. Американский народ сразу же понял, что случившееся 11 сентября – это агрессия против него. Его реакция была соответственной. Война, объявленная Соединенными Штатами, и готовность граждан пожертвовать собой являются примером того, как государства должны действовать, когда на карту поставлено само их существование. Они напоминают нам, что в современном мире лишь государства-нации обладают человеческими и материальными ресурсами, достаточными для победы в войне.

Вопрос о том, нужно ли вести боевые действия в Афганистане, оказался необычайно простым. В целом решение о том, когда и как вмешиваться, зависит в равной мере и от интуиции, и от расчета, хотя действия, несомненно, должны быть обдуманными. Споры о том, на какой основе должна строиться внешняя политика – на моральном долге или национальном интересе, в конечном итоге оказываются не более чем занимательными. Выдающиеся государственные деятели англоязычного мира, деятели уровня Уинстона Черчилля и Рональда Рейгана, проводят политику, которая неизменно включает в себя оба элемента, хотя их соотношение и меняется со временем. Исходя из сказанного, я ограничусь следующими рекомендациями:

- **Не верьте в то, что военное вмешательство, как бы хорошо оно ни было обосновано с моральной точки зрения, может быть успешным без ясно обозначенных военных целей.**
- **Не думайте, что Запад способен переделать общество.**
- **Не принимайте общественное мнение на веру, однако не сбрасывайте со счетов готовность людей идти на жертвы ради правого дела.**
- **Не оставляйте тиранов и агрессоров безнаказанными.**
- **Если вы решили сражаться – сражайтесь до победы.**

Военная готовность: материальный аспект

Что бы там ни говорили, а сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы существуют исключительно для защиты наших интересов в бою. Они вовсе не предназначаются для выполнения полицейских функций, оказания помощи и гражданского строительства, от них не следует требовать этого, кроме как в исключительных обстоятельствах. Вооружение им необходимо для того, чтобы сдерживать и уничтожать врага, с которым они могут столкнуться. Они должны быть хорошо обученными и дисциплинированными, им нужны хорошие командиры. Кроме того, им нужна уверенность в том, что правительство обеспечит финансовые и другие условия, при которых они смогут выполнить эти задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.